

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
Н. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

8-ое ЯНВАРЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Отъ новаго редактора, М. Драгоманова. — 2) Связь между статьями 8, 9, 10 и 11-ой. — 3) Слухи во тѣмъ египетской. — 4) Конецъ Добровольной Охраны. — 5) Волненія студентовъ кіевского университета въ ноябрѣ 1882 г., (корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 6) Отъ редакціи. — 7) Администратія и судъ. (Вѣсти изъ Кіева). — 8) Земскіе проекты. I. Проектъ Костромскаго губ. земства о мѣстномъ управленіи. — 9) Письма изъ Австрійской Украины: Отъ редакціи. I. Крестьянскіе стремленія и мечты; расчеты на войну съ Россіей. — 10) Пропаганда и заговоръ въ южной арміи въ 1825 г. I. Ц. — 11) Быть или не быть парламентаризму? В. Гольштейн. — 12) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ въ Франціи. IV. Союзъ рабочихъ и социалистическія фракціи. Н. Жебунева.

Женева, 8 января 1882.

Съ настоящимъ номеромъ «Вольное Слово» вступаетъ въ третій (гражданскій) годъ своего существованія. Передъ читателями лежить уже 51 номеръ газеты, по которымъ они могутъ судить о развитіи ея содержанія, о ея характерѣ и цѣляхъ. Основанная прежде всего съ цѣлью дать высказаться всѣмъ отбѣнкамъ общественной мысли, которые душила цензура въ Россіи, эта газета въ то же время имѣла въ виду поддерживать въ сознаніи народовъ, населяющихъ Россію, повсемѣстно обнаружившіяся въ нихъ стремленія къ выходу изъ угнетающаго ихъ политическаго порядка, — или, лучше, безпорядка, — посредствомъ преобразования Россіи на такихъ началахъ, которыя дали бы возможность какъ индивидуумамъ, такъ и коллективамъ въ этихъ населеніяхъ безопасно жить и безпрестанно работать для усовершенствованія условій своей жизни. Начала эти: политическая свобода, т. е. неприкосновенность правъ личныхъ и національных и самоуправленіе общественныхъ группъ, отъ меньшихъ: общинъ, волостей и уѣздовъ — до общирныхъ: областей, и, наконецъ, союза ихъ, — цѣлаго государства. Разъясненію этихъ началъ въ примѣненіи къ Россіи посвящена была большая часть статей, помѣщенныхъ въ «Вольномъ Словѣ» не только по внутреннимъ вопросамъ, но и по

поводу явленій жизни иностранныхъ государствъ, которыя могли служить для Россіи прямымъ или косвеннымъ поученіемъ.

Изъ явленій жизни иностранной «Вольное Слово» обращало особенное вниманіе на событія и положеніе дѣлъ въ странахъ сосѣднихъ съ Россіей и населенныхъ племенами родственными съ славянскими большинствомъ ея населенія. Дѣлалось это вслѣдствіе убѣжденія, что международная будущность Россіи и сосѣднихъ съ ней и единоплеменныхъ странъ тѣсно связаны между собою, и что рабство внутри Россіи неизбежно отражается и на ея сосѣднихъ единоплеменникахъ, ослабляя какъ ея, такъ и ихъ внутреннія силы, и понижая обоюдное ихъ международное значеніе. Затѣмъ, въ жизни иностранной усиленное вниманіе «Вольнаго Слова» было обращено на различныя проявленія такъ наз. социальнаго вопроса. Дѣлалось это вслѣдствіе убѣжденія редакціи, что этотъ вопросъ, первостепенной важности во всемъ мірѣ, представляется важнымъ и для Россіи, особенно въ виду преобладающаго, такъ сказать, мужицкаго состава ея населенія, а также въ виду существованія въ ней въ общирныхъ размѣрахъ общинной формы землевладѣнія, въ которой мыслители разныхъ политическихъ направленій ищутъ теперь основы для упрядоченія социально-экономическихъ отношеній. Редакція «Вольнаго слова» была убѣждена, что вопросы социально-экономическіе должны привлечь къ себѣ усиленное вниманіе общественныхъ группъ въ населеніяхъ Россіи, но полученіи ими, при политической свободѣ съ самоуправленіемъ, возможности заняться устройствомъ своихъ дѣлъ. И такъ какъ теперешній запретительно-полицейскій строй въ Россіи создалъ цѣлый рядъ недоразумѣній относительно явленій социально-экономической жизни и борьбы общественныхъ слоевъ, которая ведется теперь во всемъ цивилизованномъ мірѣ и составляетъ разные стороны социальнаго вопроса, —

то редакція «Вольнаго Слова» рѣшила прежде всего способствовать разсѣянію этихъ недоразумѣній изображеніемъ, въ возможной для небольшого изданія полнотѣ, самыхъ разнообразныхъ проявленій социальнаго вопроса и отношеній къ нему различныхъ партій въ болѣе свободныхъ странахъ. Съ этою цѣлью «Вольное Слово» давало картины отношеній къ социальному вопросу какъ консервативно-религіозныхъ партій, въ родѣ Австро-Германскихъ антисемитовъ, такъ и революціонно-социалистическихъ партій, обращая особое вниманіе на проявленія самоорганизации и самостоятельности народныхъ массъ и на связь социально-экономическаго вопроса съ вопросами политическаго и административнаго самоуправления, которое одно можетъ дать основы для правильнаго и возможно мирнаго разрѣшенія социально-экономическихъ противорѣчій.

Приобрѣтеніе этого самоуправления въ Россіи составляетъ первую цѣль общества «Земскій Союзъ», при помощи котораго основана была газета «Вольное Слово» и котораго программа, развиваемая уже по частямъ въ разныхъ статьяхъ редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ газеты, въ непродолжительномъ времени будетъ въ цѣломъ напечатана при «Вольномъ Словѣ». Такъ какъ настоящій редакторъ «Вольнаго Слова», съ самаго начала своей литературной дѣятельности, въ Россіи и за-границей, поставилъ себѣ цѣлью служить изложеннымъ выше началамъ, которыя лежали въ основаніи изданія «Вольнаго Слова», то онъ и не затруднился принять на себя редакцію названной газеты съ настоящаго №-ра. Такимъ образомъ перемѣна редакціи «Вольнаго Слова» не произведетъ существенныхъ измѣненій въ газетѣ, тѣмъ болѣе, что составъ ближайшихъ сотрудниковъ изданія остается и впредь тотъ же, который былъ въ послѣдніе 8 мѣсяцевъ.

Постоянные читатели «Вольнаго Слова» замѣтили, конечно, постепенное увеличеніе

въ этой газетѣ статей сотрудниковъ, болѣе или менѣе постороннихъ редакцій и отличающихся отъ нея нѣкоторыми отгѣтками мнѣній. Какъ было уже сказано, помѣщеніе голосовъ такихъ сотрудниковъ входило въ цѣли нашего изданія съ самаго начала его основанія. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что число такихъ сотрудниковъ и впредь будетъ возрастать въ «Вольномъ Словѣ». Главная цѣль послѣдняго — агитація словомъ (единственнымъ орудіемъ для литературнаго предпріятія, да еще заграничнаго) въ пользу установленія въ Россіи политической свободы — составляетъ въ настоящее время общій членъ программъ различныхъ группъ среди мыслящихъ людей въ Россіи всякихъ національностей. Вполнѣ естественно, что въ разныхъ группахъ этихъ существуютъ различныя мнѣнія относительно не только способовъ пріобрѣтенія, но и дальнѣйшаго пользованія упомянутой свободой и самыхъ ея вышнихъ формъ. Но программа, предполагающая не только поверхностное измѣненіе формы центрального правительства, а также, — и даже главнымъ образомъ, — глубокое преобразование всего общественного строя на началахъ свободы личной и самоуправления даже самыхъ мелкихъ общественныхъ единицъ, представляетъ то удобство, что она даетъ наиболѣе простора для всѣхъ идейныхъ разнообразій и практическихъ опытовъ. Къ такой программѣ естественно должны бы пристать всѣ, кто желаетъ, при предстоящемъ Россіи измѣненіи ея политическаго строя, простора для своей искренней мысли и честной дѣятельности, а не властвованія надъ другими. Мы можемъ увѣрить всѣхъ такихъ настоящихъ и будущихъ дѣятелей, что они найдутъ, для изложенія своихъ мыслей и плановъ, самый дружескій пріемъ на страницахъ редижируемаго нами изданія.

М. Драгомановъ.

Обращаемъ вниманіе читателей на идейную связь, какаю открывается при чтеніи столь различныхъ, по видимому, вещей, какъ печатаемая дальше: проектъ Костромскаго земства о крестьянскомъ (или, собственно, всеобщемъ) мѣстномъ управленіи, письмо изъ Галиціи съ свѣдѣніями о стремленіяхъ крестьянъ къ громадской автономіи и о равнодушіи ихъ къ перешедшей болѣе или менѣе бюрократической и сословной конституціи, статья «Быть или не быть парламентаризму?», показывающая кризисъ, къ какому западноевропейская практика привела либерализмъ, который не отрѣшился отъ бюрократическихъ идей стараго самодержавно-монархическаго порядка, и, наконецъ, въ статьѣ «о рабочихъ союзахъ и пр. во Франціи» данныя о томъ, какъ желаніе революціонныхъ якобинцевъ обезпечить индивидуальную свободу и равенство способами регламентаціи и опеки со стороны власти привело къ величайшимъ

стѣсненіямъ именно тѣхъ слоевъ народа, о которыхъ такъ заботились эти революционеры. Матеріаль всѣхъ этихъ статей съ разныхъ сторонъ затрагиваетъ все одинъ вопросъ, разработкѣ котораго посвящены преимущественно страницы «Вольнаго Слова», — вопросъ дѣйствительной политической свободы и самоуправления, — организаціи правленія дѣйствительно народнаго и при томъ дѣловаго и способнаго къ безпрепятственному прогрессу, въ виду порожденія новыхъ условий жизни и потребностей населенія. Сегодня мы не имѣемъ достаточно мѣста, — но въ будущемъ мы еще не разъ возвратимся къ синтезу матеріала, изложеннаго въ названныхъ и подобныхъ имъ статьяхъ.

Слухи во тѣмъ египетской. Предсвятоточный подарокъ, который сразу поднесло министерство гр. Толстого русской печати: — предостереженіе «Голосу», пріостановка «Р. Курьера» и отнятіе розничной продажи у «Моск. Телеграфа», — показываетъ, что съ усиленіемъ густоты египетской тѣмы, которая окончательно окутала Россію подъ управленіемъ трехъ фараоновъ, Побѣдоносцева, Каткова и Толстого, всякая гласность, которая бы освѣщала настоящее положеніе дѣлъ въ странѣ, должна прекратиться. Раздраженное общество за то питается слухами, болѣе или менѣе злобскаго характера. Такъ, изъ Петербурга пишутъ намъ, что тамъ упорно держатся слухи, что въ Казани убито отъ 5 до 8 студентовъ, — и что, въ виду возбужденнаго настроенія молодежи и извѣстной части общества, правительство предполагаетъ объявить въ столицѣ осадное положеніе. Тамъ же, въ Петербургѣ, распространились слухи объ аграрномъ движеніи въ Минской губерніи, о которомъ нѣтъ ни намека въ газетахъ. Въ одномъ изъ сель (въ какомъ?) крестьяне, оставленные по уставу грамотѣ безъ выгона, обобранные штрафами за потравы, вышли изъ терѣбнѣи и, срубивъ семь десятинъ барскаго лѣса, устроили на нихъ себѣ выгонъ. Становой съ урядниками были крестьянами избиты; та же участь постигла будто бы и исправника и вице-губернатора. Тогда явилась военная сила, которая, конечно, и усмирила бунтовщиковъ.

Конецъ Добровольной Охраны. По свѣдѣніямъ изъ Петербурга, Добровольная Охрана, оффиціозная, распушена и замѣнена Охраной вполнѣ оффиціальной, въ которую могутъ, конечно, поступать и волонтеры, но уже вполнѣ чиновники. Не смотря на все, что до сихъ поръ писано было о всѣхъ этихъ консервативныхъ крамолахъ: Св. Дружинахъ, Охранахъ и т. п., все таки въ представленіи о нихъ многое остается не яснымъ, — а потому мы не беремся судить о томъ, сколько вѣрнаго и въ вышеприведенномъ извѣстіи. Во всякомъ случаѣ, если вѣрны свѣдѣнія, которые сообщались и нами изъ довольно вѣроятныхъ источниковъ, — а именно, что Добр. Охрана не лишена была извѣстныхъ политическихъ стремленій, — хотя бы только Фадѣевского земскаго духа, — то тѣмъ болѣе можно порадоваться ея окончательному крушенію. Опричинна чистая, съ собачьими головами, — скорѣе демаскируетъ настоящее поло-

женіе дѣлъ въ Россіи и скорѣе доведетъ монархію до кризиса, чѣмъ опричинна съ разными голубиными и масличными украшеніями.

ВОЛНЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ КІЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА въ ноябрѣ 1882 г.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Тревожно начался для студентовъ Кіевского университета 1882²/₃ академическій годъ. Еще въ августѣ мѣсяцъ ходилъ по Кіеву упорные слухи о томъ, что совѣтъ университета выберетъ доцента Шварца заведующимъ акушерской клиникѣ и поручитъ ему чтеніе лекцій по теоріи акушерства. Слѣдующее избраніе Шварца въ доценты, всѣмъ извѣстное совмѣстительство его (онъ состоитъ главнымъ врачомъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, на каковую должность требуется не акушеръ, а хирургъ), отсутствіе какихъ бы то ни было научныхъ трудовъ Шварца (его избиратели докладывали совѣту университета, что Шварцъ обѣщавъ сдѣлать какой-то переводъ; такой переводъ сдѣланъ, но безобразно, неграмотно, неумѣло, съ полнымъ незнаніемъ элементарныхъ вещей по акушерству, — объ этомъ заявлено въ одномъ медицинскомъ журналѣ), — все это заставило студентовъ сильно безпокоиться по поводу замѣщенія кафедры акушерства и заведыванія акушерскою клинкою. Шварцъ оказался избраннымъ въ обѣ должности. На первую лекцію Шварца, читанную въ обширной первой аудиторіи, явилась масса студентовъ. Чтеніе должно было длиться два часа, но уже къ концу перваго часа студенты начали уходить изъ аудиторіи, а во время чтенія во второмъ часу слышался уже такой шумъ, что Шварцъ прекратилъ чтеніе, сказавши студентамъ, что ему нѣтъ времени и что лекцію онъ докончитъ въ другой разъ. Читалъ Шварцъ лекцію по нѣмецкой книгѣ, при чемъ не говорилъ ничего и не отрывалъ глазъ отъ книги до тѣхъ поръ, пока не успѣвалъ сдѣлать подстрочный переводъ нѣмецкаго учебника. На вторую лекцію явилось уже меньше студентовъ — и то болѣе изъ любопытства, но и эти любопытные ушли до окончанія перваго часа, а отъ втораго часа за присутствіемъ только пяти — шести слушателей. Шварцъ отказался и самъ, снова заявивъ, что ему нѣтъ времени. Студенты III курса собрали курсовую сходку, на которой и порѣшили предложить Шварцу оставить чтеніе лекцій, такъ какъ посѣщать ихъ никто изъ студентовъ III курса не будетъ. Шварцъ, разумѣется, оказался нахаломъ и пошелъ студентамъ, что «пошумите, побушуете и начнете посѣщать лекціи». Въ другой разъ, когда уже и студенты IV курса заявили Шварцу, чтобы онъ оставилъ клинику, Шварцъ напомнилъ находящимся около него студентамъ, что онъ имѣетъ прекрасную «способность за поминанія лицъ». Дѣло дошло до свѣдѣнія университетскаго начальства и проректоръ прежде всего напомнилъ стипендіатамъ, что непосѣщеніе лекцій Шварца можетъ окончиться отнятіемъ стипендій, а за снмъ далъ совѣтъ студентамъ выйти изъ затруднительнаго положенія — посѣщать по очереди лекціи Шварца. Швар-

ду почему то вздумалось объявить студентам III курса, что лекции имъ будутъ читаться въ клиникѣ, вмѣстѣ со студентами IV курса. Явились студенты въ клинику удивлялись въ познаніяхъ Шварца, какъ акушера-хирурга. Онъ дѣлалъ очень серьезную операцію больно, которой нужно было наложить швы въ фистулѣ. Операцію эту онъ сдѣлалъ поразительно неумѣло, не умѣлъ даже наложить швы и продолжалъ эту возмутительную работу съ 10 часовъ утра до 3 часовъ по полудни, но работы не окончилъ и оставилъ въ клиникѣ безпомощную больную. На страдальческія крики больной Шварцъ отвѣчалъ ругательствами. Больная, истекавшая кровью, просила студентовъ лучше убить ее, чѣмъ отдавать на терзаніе Шварцу. На другой день возмутительная операція продолжалась — и опять неудачно. Не говоря уже о неумѣнии наложить швы, Шварцъ не умѣлъ употребить надлежащихъ инструментовъ, — онъ употребилъ вдвое большую, чѣмъ слѣдуетъ, иглоу и не только, что не зашилъ фистулы, но расправилъ ее еще больше. Кромѣ того, употребилъ столько хлороформа, сколько никто не употреблялъ, по крайней мѣрѣ студенты не запомнятъ подобной по безобразію операціи со всѣми ея хирургическими приемами. Студенты требовали экспертовъ хирурговъ и акушеровъ и еще разъ предложили Шварцу удалиться изъ клиники и рѣшили не посѣщать практическихъ занятій, — по на это Шварцъ отвѣчалъ, что его избрали факультетъ и совѣтъ, а не студенты и что, слѣдовательно, ему нѣтъ никакого дѣла до студентовъ, которыми почему-то хочется, чтобы читали лекціи разные Петровы, Ивановы и проч. Дѣло кончилось ничѣмъ, хотя Шварцъ сдѣлалъ формальное заявленіе, въ факультетскій совѣтъ о бунтѣ студентовъ. Заявленіе не докладывалось въ совѣтъ, и только проректоръ и деканъ заявили студентамъ не официально, что въ слѣдующемъ семестрѣ Шварцъ читать лекцій не будетъ. Послѣ этого студенты III курса взяли назадъ свое рѣшеніе, и воспользовавшись совѣтомъ проректора, предложили студентамъ посѣщать лекціи кому угодно. Но изъ 150 человѣкъ нашлся только одинъ желающій; IV же курсъ по необходимости долженъ былъ посѣщать практическія занятія въ клиникѣ. Не успѣли студенты опомниться отъ ужасныхъ теоретическихъ и практическихъ лекцій Шварца, какъ вдругъ онъ явно тенденціозно выступилъ въ «Кіевлянинѣ» защитникомъ доцента Пихна, только что обвиненнаго въ диффамаци, клеветѣ и злословіи и присужденнаго за это къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы и 100 рублямъ штрафа.

Присужденіе Пихна къ тюремному заключенію заставило его подать въ отставку и побѣзнилъ. Студенты могли только радоваться такому благополучному, мирному избавленію университета и студентовъ отъ г. Пихна, какъ вдругъ совѣтъ университета большинствомъ 23 голосовъ противъ 12 (пять завѣдомыхъ противниковъ Пихна не присутствовали въ засѣданіи *) проситъ Пихна взять прошеніе объ отставкѣ обратно, причемъ просьба большинства мотивируется прямо тенденціозно. Больной Пихно немедленно послѣ

рѣшенія совѣта выздоровѣлъ и взялъ свое прошеніе обратно. Еще, значитъ, подлилъ профессора масла въ горячій матеріалъ.

Въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ одинъ изъ студентовъ г. Ч—скій обратился къ ректору, проф. Рахманинову, съ просьбой о ходатайствѣ выдать изъ общества вспомошествованія студентамъ пособіе на одежду. Ректоръ принялъ студента словами: «за чѣмъ вы поступили въ университетъ, когда у васъ нѣтъ средствъ? Поступайте въ приказники, рабочіе, въ лакеи — будете имѣть заработокъ». Студенты поставили на видъ ректору его возмутительное обращеніе со студентомъ, но ректоръ пригрозилъ студентамъ исключеніемъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ состоялось засѣданіе общества для вспомошествованія студентамъ; въ обществѣ этомъ присутствуютъ въ качествѣ членовъ и выборные представители отъ студентовъ. Ректоръ начинаетъ держать рѣчь, въ которой высказываетъ, что подобныя благотворительныя общества поощряютъ пошлячество и споспѣвуютъ тому, что университеты заполняются дѣтми дьячковъ, мѣщанъ, крестьянъ и другихъ немущихъ классовъ, что только обременяетъ общество. Еще раньше этого, руководствуясь такими мотивами, ректоръ былъ противъ устройства вечеровъ, спектаклей въ пользу кассы общества вспомошествованія студентамъ. Кромѣ того, ректоръ предложилъ не избирать больше представителей отъ студентовъ, а оставить прежнихъ. Такимъ образомъ ректоръ хотѣлъ измѣнить самыя существенныя задачи общества вспомошествованія студентамъ. Представители отъ нѣкоторыхъ курсовъ заявили студентамъ о томъ, что они не желаютъ больше оставаться членами-сореволюционными общества, такъ какъ участіе ихъ тамъ оказывается малополезнымъ и, кромѣ того, имъ приходится выслушивать самыя возмутительныя рѣчи о студенчествѣ, нуждающемся въ матеріальной помощи. Фактъ съ поступкомъ кіевского ректора въ обществѣ для пособія недостаточнымъ студентамъ совпалъ съ движеніемъ студентовъ, случившимся въ казанскомъ университетѣ и, какъ извѣстно, тоже по поводу матеріальной помощи студентамъ, движеніемъ, отразившимся и на петербургскомъ студенчествѣ. Присоедините сюда свирепую исторію, въ которой фигурируютъ профессора: Сидоренко, Субботинъ, Гаринъ-Гаринскій, присоедините исторію на кирпичномъ заводѣ проф. Субботина — и вы получите напряженное состояніе кіевского студенчества. Во время этого напряженнаго состоянія прямо вызваннаго кіевскими университетскими порядками и поведеніемъ профессоровъ, получено было обстоятельное извѣщеніе о движеніи въ петербургскомъ университетѣ, движеніи, начавшемся еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Извѣщеніе это обрисовывало мотивы движенія и возмутительные приемы начальства университета и полицейскаго при разслѣдованіи, тушеніи этого движенія, — движенія, вызваннаго главнымъ образомъ глупымъ адресомъ кучки студентовъ Полякову.

Кіевскіе студенты рѣшили собрать сходку, каковая и состоялась во вторникъ, 16 ноября. На этой сходкѣ должны были быть прочтаны двѣ редакціи заявленій о своихъ требованіяхъ, одну изъ которыхъ студенты долж-

ны были одобрить для представленія ректору. Сходка состояла изъ 800—900 студентовъ. Не успѣли прочесть приготовленныхъ заявленій, изъ которыхъ одно было болѣе рѣзко и опредѣленно, а другое болѣе обще и менѣе опредѣленно, какъ кто-то крикнулъ, что на сходкѣ присутствуютъ шпионы. Между тѣмъ въ одномъ углу сборнои залы топтали уже ногами и тянули за волосы чрезъ залу какого-то человѣка, а другой стремглавъ успѣлъ убѣжать. Оказался избитымъ одинъ изъ университетскихъ служителей, наряженный очевидно для подслушанія, ибо на вопросъ о томъ, кто онъ такой, отвѣтилъ сначала, что студентъ. За общей суматохой обратили мало вниманія на редакціи заявленій, совѣтъ почти по поводу нихъ не дебатировали и приняли слѣдующую редакцію заявленія:

«Русскому обществу отъ Студентовъ Университета Св. Владимира. На общемъ собраніи 16 ноября 1882 г. студенты Кіевского Университета постановили высказать г. Ректору слѣдующія свои мнѣнія и требованія, о которыхъ считаютъ необходимымъ заявить всему обществу, студентамъ Университетовъ и гг. Попечителю и Министру Народнаго Просвѣщенія.

1. Назначеніе Университета совершенствовать науку и давать обществу подготовленныхъ умственно и нравственно дѣятелей. Профессорская корпорація нашего университета, являющаяся его представительницей, не только не стремится къ осуществленію своего высокаго назначенія, но, побуждаемая эгоистическими и своскорыстными интересами, обратила храмъ науки и истины въ храмъ служенія мамонѣ. Какъ по отношенію къ научнымъ требованіямъ, такъ и въ смыслѣ студенческихъ и общественныхъ интересовъ она обнаруживаетъ полнѣйшій индифференцизмъ. Она возводитъ на кафееры по преимуществу людей бездарныхъ и нравственно несостоятельныхъ, руководствуясь не свободной конкуренціей знаній и талантовъ, а протекціей и личными связями. Лучшія силы, дѣйствительные представители науки, устраниваются изъ-за партійныхъ интересовъ. Большинство членовъ этой корпораціи стремится исключительно къ наживѣ и возможно лучшей эксплуатаціи въ свою пользу того высокаго положенія, которымъ они пользуются въ обществѣ. Одни изъ нихъ всецѣло погружаются въ банковыя операціи, другіе размѣниваютъ на мелкую монету медицинскую науку, третьи торгуютъ истиной, совѣстью и своими убѣжденіями.

Имѣя все это въ виду, мы, студенты Кіевского Университета выражаемъ свое полное порицаніе подобному образу дѣйствій большинства изъ членовъ профессорской коллегіи, считая ихъ поведеніе безнравственнымъ, унижительною и позорнымъ для Университета. Разумѣется, все выше сказанное отноудъ не относится къ тѣмъ немногимъ изъ профессоровъ, которые заслуживаютъ полное уваженіе своимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу науки и къ интересамъ студенчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ нужнымъ заявить, во избѣжаніе недоразумѣній, что, порицая большинство изъ наличнаго состава нашей профессорской корпораціи, мы тѣмъ не менѣе вполне сочувствуемъ принципу университетскаго самоуправленія.

*) Почему? Не имѣли мужества выступить противъ г. Пихна? (Ред.)

2. Въ виду того, что г. Ректоръ, судя по выраженіямъ, употребленнымъ имъ въ одномъ изъ засѣданій «Общества для всоможествованія студентамъ», въ которомъ онъ занимаетъ постъ председателя, не только не сочувствуетъ тѣмъ изъ студентовъ, которые не обладаютъ достаточными средствами, но даже считаетъ большимъ зломъ для Университета наполненіе его сыновьями дьяковъ, крестьянъ и проч., въ виду того, что онъ смотритъ на упомянутое общество, какъ на такое учрежденіе, которое развиваетъ между студентами «попрошайничество» — мы изъявляемъ ему свое нежеланіе имѣть его ректоромъ Университета и предлагаемъ ему оставить этотъ постъ, а также и должность председателя въ названномъ обществѣ.

3. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что настоящее заявленіе будетъ послано г. Министру Нар. Просв., г. Почетителю Кіевскаго Учебн. Округа, многимъ гг. Профессорамъ, студентамъ другихъ Университетовъ, въ редакціи важнѣйшихъ періодическихъ изданій и вообще будетъ распространено среди общества въ возможно большемъ количествѣ, мы заявляемъ свою полную солидарность съ протестомъ студентовъ Казанскаго и Петербургскаго Университетовъ, считая дѣйствія со стороны начальства этихъ заведеній возмутительными, а мѣры насилія, принятія администраціей, безчеловѣчными.

Заявленіе это было отгектографировано съ слѣдующей прибавкой:

«17 ноября. Въ видахъ возстановленія истинны, искаженной мѣстными охранительными органомъ («Кіевляниномъ»), заявляемъ слѣдующее: 17 ноября въ то время, когда полиція втерлась, студенты не только не общались г. Почетителю (какъ сказано въ «Кіевлянинѣ») прекратить на будущее время всякія сходы, но прямо и рѣзко заявили ему, что не разойдутся, пока не удалится полиція. Когда послѣднее требованіе студентовъ было исполнено, они разошлись, такъ какъ въ этотъ день собственно организованной сходы обстоитъ и не требовалось. Такимъ образомъ студенты вполне сохранили за собой свободу дальнѣйшихъ дѣйствій».

Заявленіе это признано неудачнымъ и рѣшено было гектографировать новое, слѣдующаго содержанія:

«16 ноября 82 г. студенческая сходка, состоявшая изъ 800—900 ч., рѣшила послать г. Ректору Университета Св. Владимира слѣдующее заявленіе:

1) Цѣль Университета двигать науку и давать обществу умственно и нравственно подготовленныхъ и полезныхъ дѣятелей. Профессорская коллегія нашего Университета, являющаяся его представительницею — не только не стремится къ осуществленію этой цѣли и добросовѣстному исполненію своего высокаго назначенія, но, исказивши принципъ широкаго самоуправленія, наиболѣе соответствующій задачамъ Университета, пользуется имъ для достиженія своихъ личныхъ корыстныхъ цѣлей, эгоистически эксплуатируя свое высокое социальное назначеніе во вредъ наукѣ, самому учрежденію и интересамъ общества.

Лучшія силы, дѣйствительные представители науки, устраниются отъ кафедръ изъ-за партійныхъ интригъ или религіознаго антагонизма. Главнѣйшій принципъ свободной науки —

свободная конкуренція знаній и талантовъ замѣненъ путемъ протекціи и частныхъ связей съ избирателями, которыми возводятся на кафедры личности часто неспособныя, бездарныя, а иногда нравственно несостоятельныя. Понятно, что такіе профессора или кандидаты въ профессора, считая профессорское призваніе только средствомъ сдѣлать выгодную карьеру, относятся крайне небрежно къ наукѣ, выказывая единственное стремленіе къ возможно быстрой наживѣ. Одинъ изъ нихъ, въ ущербъ наукѣ, всецѣло отдается думскимъ дѣламъ и банковымъ операціямъ, другіе разбиваются на мелкую монету медицинскую науку, третьи торгуютъ истиной, совѣстью и убѣжденіями.

Примѣръ подобныхъ просвѣтителей и руководителей юности не можетъ не дѣйствовать развращающимъ образомъ на молодое студенчество, проводя тенденціи узкаго, эгоистическаго матеріализма, — такъ что Университетъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ на молодежь приноситъ обществу не пользу, а безусловный вредъ, деморализируя его лучшія, свѣжія силы, его надежду въ будущее, — молодое поколѣніе.

По отношенію какъ къ наукѣ, такъ и къ частнымъ интересамъ студенчества профессорская коллегія обнаруживаетъ или полный индифферентизмъ, или даже стремленіе къ возможно большему ограниченію студенческихъ правъ. Вообще своимъ образомъ дѣйствій профессорская коллегія какъ бы оправдываетъ и проводитъ въ жизнь ту нелѣпную идею, что студенчество существуетъ для профессоровъ, а не профессора для студенчества.

Имѣя въ виду все вышесказанное, мы, студенты Кіевскаго Университета св. Владимира, выражаемъ чрезъ г. ректора передъ лицемъ общества, дѣтьми и воспитанниками котораго мы себя считаемъ — наше полное порицаніе подобному образу дѣйствій большинства членовъ профессорской коллегіи, считая ихъ не желающими добросовѣстно исполнять обязанности, возложенныя на нихъ обществомъ и признавая ихъ поведеніе безнравственнымъ и позорнымъ для Университета.

Личнымъ считаемъ замѣтить, что это не относится къ тѣмъ немногимъ профессорамъ, которые своимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу заслужили полное уваженіе студентовъ.

2) Студенты предлагаютъ нынѣ существующему ректору г. Рахманинову оставить этотъ постъ, равно какъ председательство въ обществѣ вспоможенія недостаточнымъ студентамъ. Заявленіе это основано на небрежномъ отношеніи его, какъ представителя университета, къ интересамъ студенчества вообще, а къ интересамъ матеріально необеспеченныхъ студентовъ въ частности. Послѣднее выразилось въ изъявленіи нежеланія съ его стороны способствовать увеличенію средствъ недостаточныхъ студентовъ устройствомъ обычныхъ баловъ и концертовъ въ Думѣ, а въ особенности высказанными въ предпослѣднемъ засѣданіи общества далеко не просвѣщенными и крайне антигуманными воззрѣніями, которыми онъ указываетъ, что считаетъ общество учрежденіемъ позорнымъ для Университета и что оно развиваетъ попрошайничество между студентами и даетъ

возможность сыновьямъ дьяковъ, прикащиковъ etc. проникать въ Университетъ въѣздомъ того, чтобы занимать соответствующія имъ мѣста околоточныхъ, дворниковъ, пекарей, etc.

3) Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что настоящее заявленіе будетъ послано г. Министру Народнаго Просвѣщенія, г. Почетителю Кіевскаго Округа, многимъ гг. профессорамъ и студентамъ другихъ университетовъ, въ редакціи многихъ газетъ и вообще будетъ распространено среди общества въ возможно большемъ количествѣ, мы заявляемъ свою полную солидарность съ протестомъ студентовъ Казанскаго и Петербургскаго Университетовъ, считая дѣйствія со стороны администраціи этихъ учрежденій возмутительными, а мѣры насилія, принятія начальствомъ, варварскими и безчеловѣчными.

18 ноября. Въ видахъ возстановленія истинны, искаженной мѣстными охранительными органомъ (Кіевляниномъ) заявляемъ слѣдующее: 17 ноября, въ то время, когда полиція вторглась въ Университетъ, студенты обратились къ г. Почетителю съ требованіемъ удаленія изъ стѣнъ Университета полиціи, вовсе не спрашивая на то дозволенія полицеймейстера. Далѣе, на требованіе г. Почетителя общанія прекратить на будущее время всякія сходы, никто никакого общанія г. Почетителю не давалъ. Затѣмъ, когда требованіе студентовъ было удовлетворено, они разошлись, такъ какъ собственно въ этотъ день организованная сходка обстоитъ и не требовалось. Такимъ образомъ студенты сохранили за собой свободу дальнѣйшихъ дѣйствій.»

Между тѣмъ внѣшняя исторія сходы шла такимъ образомъ:

На сходку 16 нояб. явился было почетный, но ушелъ, ничего никому не сказавши, ни чего ни отъ кого не услышавши. Въ этотъ же день появились въ университетѣ гектографированныя прокламаціи отъ кіевской организаціи партіи «Народная Воля». Но прокламаціи эти не произвели никакого вліянія, ихъ почти никто не читалъ, такъ какъ студенты были слишкомъ въ напряженномъ состояніи по поводу факта съ присутствіемъ шпіоновъ въ сборной студенческой залѣ. Тамъ студенты разошлись, назначивъ сходку на 17 ноября. На сходку явилось человекъ 300. Председатель долго не явился, и студенты начали уже было расходиться по аудиториямъ, какъ является одинъ студентъ и держитъ рѣчь въ томъ смыслѣ, что студентамъ приличнѣе и честнѣе разойтись, чѣмъ быть выведенными полицією. Студенты встрѣтили хохотомъ такую рѣчь и ораторъ ушелъ въ одиночествѣ съ «честью». Между тѣмъ явился председатель сходы. Къ нему обратились съ упреками, за чѣмъ онъ собралъ сходку и не явился самъ. Председатель отвѣтилъ, что рѣшало-то нечего, такъ какъ въ прошлой сходкѣ приняты извѣстныя уже резолюціи, которыя по отгектографированіи будутъ посланы ректору, почетителю, министру администраціи, въ другіе университеты и распространены въ обществѣ. Студенты хотѣли уже разойтись, какъ послышались слова: «полиція идетъ!» Дѣйствительно полиція моментъ заняла всѣ выходы, при чемъ выходить изъ залы можно было, а входить нельзя.

Полиция была вооружена и въ громадномъ количествѣ. Послышались за тѣмъ крики: «войско пришло!» Студенты начали кричать: «полицію долой! войско долой!» Явился попечитель и началъ говорить, чтобы студенты разошлись, что онъ все забудетъ и не тронетъ ни одного студента за бывшіе до сихъ поръ безпорядки. Студенты отвѣчали свистомъ и требовали удаленія полиціи. Попечитель соглашается удалить полицію только въ томъ случаѣ, если студенты дадутъ слово не собираться больше. Но студенты отвѣчали, что такого слова они дать не могутъ, такъ какъ начальство само вызываетъ сходки. Сегодня, напр., сходки совсѣмъ не было, а полиціи явилась. Попечитель переговорилъ съ полицеймейстеромъ (Мастичкій), и полиція удалась, папугуемая хохотомъ и крикомъ. Нужно замѣтить, что во время сумятицы, вызванной входомъ въ университетъ полиціи, удалось отворить одніи двери, — и студентовъ нахлынуло цѣлыми сотнями, такъ что сборная зала и корридоръ буквально были запружены. Но, выгнавши полицію, студенты увидѣли около стѣнъ университета выстроенный въ боевой порядокъ батальонъ солдатъ, подъ предводительствомъ одного генерала. Студенты потребовали удаленія войска, въ противномъ случаѣ не желали расходиться. Попечитель отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ права удалить войска. Тогда ему отвѣтили, что имѣлъ же онъ право пригласить войска, — пусть теперь и отправитъ его обратно. Стукъ, свистъ, крикъ былъ всеобщій. Вся университетская площадь занята была громаднымъ стеченіемъ публики. Попечитель переговорилъ съ полицеймейстеромъ, командующимъ генераломъ — и войско церемониальнымъ маршемъ удалилось во-своисн, сопровождаемое свистомъ студентовъ. Во время переговоровъ студентовъ съ попечителемъ, командующій генералъ вздумалъ увѣщевать студентовъ, толпившихся по корридорамъ и у профессорскаго входа, но когда ему замѣтили, что не его дѣло увѣщевать, что не студенты сегодня собрали сходку, а солдаты ее вызвали, генералъ обидѣлся, что его заподозрѣваютъ въ грубости, въ желаніи осрамить студентовъ, — «я самъ, говорилъ онъ, имѣю двухъ сыновей въ университетѣ, горжусь этимъ, и не виновать что начальство возложило на меня тяжелую обязанность усмирять студентовъ». Эпизодъ этотъ мы привели для того, чтобы сопоставить его съ слѣдующимъ другимъ эпизодомъ. Какъ только войско и полиція удалились, — профессоръ Эрдгартъ упрекалъ попечителя за то, что тотъ удалил войска, что обошелся мягко со студентами; — это-де вызоветъ только новые безпорядки.

Послѣ сходки 17 ноября поднимались среди студентовъ вопросы о томъ, продолжать ли и дальше общія сходки, или же считать ихъ ненужными, а всѣ возникающіе вопросы по текущей жизни студенчества рѣшать по курсамъ. Назначена была сходка на 22 ноября, но не состоялась, такъ какъ въ Лыбедской части стояло наготовѣ войско. На сходкѣ этой между прочимъ предполагалось чтеніе новой редакціи студенческаго заявленія. На другой же день въ университетѣ собралось не болѣе 150 студентовъ, каковое количество признано недостаточнымъ для общей сходки. Нужно сказать, что въ эти

дни были заперты нѣкоторыя аудиторіи и сборная зала. Въ тотъ же день появилась въ университетѣ слѣдующая прокламація, не произведшая, однако, никакаго впечатлѣнія на собравшихся студентовъ. (Мы упоминаемъ о прокламаціяхъ и ихъ дѣйствіи на студентовъ потому, что многіе приписывали собраніе сходки постороннему вліянію, чего въ дѣйствительности не было.)

Отъ Кіевской организаціи партіи

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» КІЕВСКИЕ СТУДЕНТЫ!

Вы разбили узкія, традиціонныя рамки студенческихъ требованій и вступили на широкое поприще общественныхъ интересовъ;

Вы поняли, наконецъ, что на почвѣ чисто-студенческихъ, чисто корпоративныхъ нуждъ вы — ничто, но вы спали — въ сознаніи своей солидарности съ порабожденнымъ русскимъ обществомъ.

Вы поняли это и рѣшились выступить, какъ общественная единица, какъ граждане своего отечества!

Привѣтъ-же вамъ, товарищи-граждане, на новомъ поприщѣ! И пусть сознаніе широты и величія теперешней вашей задачи вдохнетъ въ васъ мужество и рѣшимость не покидать начатаго вами столь славнаго дѣла!

Въ такомъ случаѣ мы всегда будемъ готовы протянуть вамъ руку братской помощи. Долой воровъ, плутовъ и тирановъ.

Кіевъ 1882 г. 22 ноября.

Кіевская Типографія партіи «НАРОДНАЯ ВОЛЯ» *)

Предполагавшееся къ чтенію на сходкѣ новое заявленіе гласило слѣдующее:

«Студенты Кіевского университета, возмущенные цѣлымъ рядомъ безобразныхъ фактовъ изъ отношеній большинства профессоровъ Кіевского университета къ студентамъ и къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ, возмущенные безобразнымъ отношеніемъ начальства Казанскаго и Петербургскаго университетовъ къ справедливымъ требованіямъ своихъ студентовъ, собрались на общія сходки 16,

*) Если только эта прокламація не поддѣлка агентовъ-provokatorovъ, то она не обнаруживаетъ большого политическаго такта у кіевской секціи «партіи Н. В.» Для серьезной партіи политическаго переворота въ Россіи студенческія волненія могутъ быть только вредны, какъ преждевременная затрата силъ; общія гражданскія права не могутъ быть добыты волненіями въ стѣнахъ школы. (Въ Вѣнѣ въ 1848 г. студенты участвовали вмѣстѣ съ гражданами въ походѣ на дворецъ съ цѣлью добыть конституцію, но этотъ походъ, конечно, совсѣмъ не то, что русскія волненія въ школахъ). Вообще, если уже признавать пользу отъ студенческихъ демонстрацій въ Россіи, то даже съ обще-политической точки зрѣнія было бы гораздо практичнѣе если бы онѣ держались чисто академической почвы. Пусть бы студенты заявили критику (обстоятельную) теперешняго строя высшихъ школъ, инспекціи, профессорства, — потребовали бы академической свободы (въ частности, напр., противъ профессорско-гешефтеровъ, свободы доцентуры и записыванія студентовъ на курсы профессоровъ и т. п.). Если бы, такимъ образомъ, каждый элементъ русскаго населенія заявилъ свою критику и желанія относительно своихъ дѣлъ, — то, можетъ быть, больше было бы толку и въ общемъ ходѣ дѣла, или, по крайней мѣрѣ, въ организаціи общаго протеста противъ теперешняго порядка. Что же касается до «руки братской помощи», которую изъясняютъ готовность протянуть студентамъ авторы кіевской прокламаціи, то трудно даже понять, какой реальный смыслъ въ ней заключается.

17 и 22-го ноября, на которыхъ порѣшили:

1) выразить полное сочувствіе казанскимъ и петербургскимъ студентамъ, начавшимъ движеніе по поводу университетскихъ и общественныхъ безобразій, деморализующихъ общество;

2) выразить полное порицаніе общественному строю, при которомъ возможны подобнаго рода деморализующія явленія;

3) выразить полное порицаніе ректору кіевского университета (проф. Рахманинову) за его возмутительныя дѣйствія, въ качествѣ председателя общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ;

4) предложить проф. Рахманинову оставить должность ректора университета и председательство въ обществѣ вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ;

5) выразить полное порицаніе тѣмъ изъ большинства кіевскихъ профессоровъ, которые, забывъ назначеніе университета, какъ ученаго учрежденія, забывъ науку, предались банковымъ и инымъ гешефтамъ, а также тѣмъ, которые позорятъ званіе профессора другими безнравственными поступками. Имена такихъ профессоровъ всѣмъ извѣстны: Рененкампфъ, Сидоренко, Эрдгартъ, Шварцъ, Пихно и другіе менѣе откровенные гешефтвахеры;

6) Настоящія постановленія сходокъ гектографировать и немедленно разослать въ русскія и иностранныя (болѣе распространенныя) газеты, а также въ учебныя заведенія, административнымъ лицамъ и распространить среди публики.

Въ виду появляющихся въ «Кіевлянинѣ» и «Правительственномъ Вѣстникѣ» искаженныхъ извѣстій о движеніи среди кіевскихъ студентовъ, считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее: ни ректоръ, ни проректоръ не являлись на сходки увѣщевать студентовъ; явившійся было 16 ноября на сходку попечитель учебнаго округа — ушелъ ни съ чѣмъ, такъ какъ ему не дали говорить и освистали. Призванные въ университетъ 17 ноября полиція и войска ушли не потому, что студенты дали обѣщаніе попечителю не собираться болѣе сходокъ, а потому, что студенты поставили условіемъ разойтись 17 ноября не ранѣе, какъ уйдетъ войско и полиція, — которыя дѣйствительно и ушли при наблюденіи громаднѣйшей толпы зрителей, папугуемые свистомъ и крикомъ студентовъ. Никакихъ обѣщаній студенты не давали попечителю, а напротивъ того прямо сказали, что будущее зависитъ въ немалой степени отъ поведенія университетскаго начальства. Сообщеніе о томъ, что будто-бы большинство студентовъ стоитъ за порядокъ — ложно: на сходкахъ участвовало до 700—800 студентовъ и всѣ они были крайне возмущены поведеніемъ университетскаго начальства, призвавшаго въ университетъ полицію и войска.

Въ виду ложныхъ, завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о движеніи студентовъ Кіевского университета, рѣшено составить подробную записку о событіяхъ въ университетѣ 15, 17, 22 ноября и о причинахъ, вызвавшихъ эти событія, — записку эту отпечатать или гектографировать и распространить въ обществѣ.

Сообщая обо всемъ этомъ своимъ товари-

шамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведений, сообщая обо всемъ этомъ русскому обществу, студенты Киевскаго университета считаютъ описанныя здѣсь свои дѣйствія соответствующими даннымъ условіямъ мѣста, времени и обстоятельствъ и считаютъ себя въ правѣ надѣяться, что русское общество не на столько еще деморализовано, чтобы не оказать своего сочувствія движенію студентовъ. Дальнѣйшій ходъ событій въ Киевскомъ университетѣ будетъ вполне зависѣть отъ общихъ условій движенія въ другихъ университетахъ и главнымъ образомъ отъ тѣхъ мѣстныхъ причинъ, какія будутъ вліять на ходъ событій, — во всякомъ случаѣ студенты Киевскаго университета считаютъ себя вполне способными и нравственно обязанными до конца защищать свое достоинство, свою честь и стоять крѣпко за свои интересы.»

Мы сохранили самую полную объективность въ разсказѣ о движеніи студентовъ киевскаго университета въ первомъ полугодіи 1882/3 академическаго года. Чѣмъ вызвано это движеніе — это ясно изъ студенческихъ заявленій. Движеніе студентовъ было непредотвратимо, если бы даже не случилось раньше движеній въ Казанск., Петерб. и Харьк. университетахъ. Какіе же результаты движенія? Пока слѣдующіе: ректоръ приглашалъ къ себѣ выборныхъ представителей отъ студентовъ, засѣдавшихъ въ обществѣ всенормальствованія недостаточнымъ студентамъ, извинялся передъ ними, если сказалъ что въ засѣданіяхъ непріятное о студентахъ, называлъ себя другомъ студентовъ и заключилъ свою рѣчь словами: «не судите меня за слова, а за дѣла». Въ концѣ концовъ всѣ увѣрены, что профессоръ Рахманиновъ подалъ въ отставку отъ должности ректора университета.

На долго ли прекратилось движеніе студентовъ? На это генералъ-губернаторъ Дренгельсъ отвѣтилъ въ частномъ разговорѣ такъ: движеніе будетъ и начнется оно въ тотъ моментъ, когда студенты увидятъ на кафедрѣ доцента Пихна*).

Интересно участіе Дренгельсна «въ усмирении». Какъ только начались сходы, ректоръ явился къ Дренгельсу съ докладомъ и съ просьбой о помощи. «Я весь къ вамъ и войско», — приказалъ дать войско, — дамъ и войско». Университетское начальство сдѣлало такой приказъ, и войско явилось и... ушло по приказу же университетскаго начальства. Интересно, что ректоръ ни разу не посѣлъ явиться на сходку. Это впоследствии смущало и его самого, и онъ говорилъ представителямъ студентовъ: «не думайте, что я трусилъ, — нѣтъ, я входилъ совершенно спокойно на сходку въ 1000 — 2000 человекъ. Я не хотѣлъ незаслуженно подвергнуться оскорбленіямъ отъ неблагодарныхъ вашихъ товарищей.»

Послѣ одной изъ сходокъ нѣкоторые сту-

денты получили повѣстки явиться къ ректору. Ректоръ ставилъ имъ на видъ, чтобы они увѣщивали студентовъ не собираться на сходки. Нужно замѣтить, что призванные студенты всегда сидятъ дома и въ сходкахъ никакого участія не принимали. Вообще система запугиваній отдѣльныхъ лицъ практиковалась неоднократно въ текущемъ полугодіи по поводу различныхъ студенческихъ дѣлъ.

Отъ редакціи. Мы уже не разъ имѣли случай высказать нашъ взглядъ на студенческія волненія въ Россіи, непозбѣжныя при теперешнихъ академическихъ и политическихъ порядкахъ, но и безсильныя измѣнить ихъ. Теперь въ виду фактовъ о студенческихъ волненіяхъ въ Киевѣ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что волненія эти, кромѣ общихъ политическихъ причинъ, произошли еще отъ окончательнаго упадка уваженія студентовъ къ значительной части профессорской коллегіи, начиная съ ректора. Повидному тутъ уже правительственная система ни при чемъ, — а виноваты сами профессора, — или даже автономные профессора, надъ которыми злорадно смѣются не одинъ г. Катковъ какъ видно, и кiev. генералъ-губернаторъ, который предоставляетъ въ распоряженіе «правительственной власти» власти университета свою военную силу, — но и либералы въ родѣ редакціи кievской «Зари», которая, въ виду негодности значительной части кievскаго университетскаго совѣта, даже съ удовольствіемъ ждетъ новаго устава, который не пощадитъ и той автономіи университетскихъ совѣтовъ, какая дана была имъ уставомъ 1863 г. А между тѣмъ кто знаетъ близко исторію, напр., кievскаго университета за послѣдніе 20 — 25 лѣтъ, тотъ можетъ документально показать, какъ деморализировался составъ кievскихъ профессоровъ подъ давленіемъ правительства, которое сначала сохранило въ совѣтѣ забаллотированныхъ посѣднимъ бездарности и интригановъ, недопустило въ университетъ честныя научныя силы (въ родѣ, напр., Костомарова), превратило выборнаго ректора въ чиновника и начальника, который можетъ секретно споспѣвать съ министромъ и не допускать къ докладу предложеній членовъ совѣта, поощряло доношничество и всякую травлю противъ украинофильскаго направленія, обратившуюся затѣмъ въ травлю всего дѣйствительно научнаго, а не гешефтмахерскаго *). Конечно, будь индивидуумы кievскихъ профессоровъ нравственно крѣпче, они бы вынесли всѣ министерскіе подковы и сохра-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ Киевѣ противъ профессорскаго гешефтмахерства въ банкахъ, думахъ и т. п. первые выступили украинофилы, послѣ чего всѣхъ противниковъ этого гешефтмахерства и даже просто сторонниковъ отъ него стали причислять къ украинофиламъ; этимъ объясняются всѣ недавнія забаллотировки въ кievскомъ университетѣ честныхъ ученыхъ, въ родѣ гг. Луцкаго, Житецкаго, Мищенка и промоція людей, въ родѣ г. Шварца, для котораго еще не очень давно сами гешефтеры и ихъ горламы, въ родѣ г. Эрдгарта, не находили достаточно темныхъ красокъ. Именно въ это время приглашенъ былъ въ доценты акушерства г. Толочинъ, который и былъ отпущенъ, какъ пріемникъ пр. Матвѣева по директорству акушерской клиники. Но г. Т. не принялъ участія въ гешефтахъ, а въ добавокъ еще жена его была заподозрена въ авторствѣ романа, изображающаго кievскихъ дѣльцовъ дог. Бунге включительно. («Дѣло» 1879 г. «Горе побѣжденнымъ»). Вотъ г. Шварцъ и пошелъ въ ходъ.

нили бы чистоту храма наукъ, — но люди не ангелы, и правительственная система объясняется по столько, оп сколько она даетъ возможность дѣйствовать учрежденіямъ и при не ангельскомъ ихъ составѣ. Съ университетами въ Россіи правительственные реакціонеры продѣлали то же, что и съ земствами: сначала дали полуавтономію, потомъ урѣзали и ее прямыми и закулисными подкопами, выжили часть честнаго элемента, не допустили другую, деморализировали остальныхъ, — а потомъ сами же и издѣваются и даже записываютъ передъ общественнымъ мнѣніемъ автономію молъ служить только для гешефтахеровъ, — нужна сильная и безпристрастная власть, которая поведетъ дѣло выгодно — для народа, для науки, для студентовъ. Но не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что если тѣмъ автономіи университетскихъ совѣтовъ, при большой дозѣ вліянія реакціонной власти, довела профессорскія коллегіи до деморализаціи, а студенчество до волненій, которые оканчиваются высылками студентовъ десятками, то «сильная власть» по катковскому рецепту доведетъ наши высшія школы до полного разрушенія. Куда гнетъ эта власть, видно отчасти изъ словъ кievскаго ректора о бѣднѣяхъ въ университетѣ, изъ слуховъ объ увеличеніи платы студентовъ за ученіе да изъ предположеній увеличить расходы на инспекцію въ университетахъ съ семидесяти тысячъ на 104 (Боги! какъ бы удивились европейскіе профессора, еслибъ узнали, что въ бюджетъ ихъ храмовъ наукъ вносятся сотни тысячъ франковъ на полицію и шпионство за студентами!) Усиленная инспекція, конечно, дремать не будетъ, — и тогда то пойдетъ успешная очистка Россіи отъ студентовъ! Родители приготовьтесь!...

Администраторы и судъ. Намъ сообщаютъ, изъ Киева 20 ноября, въ годовщину изданія студенческихъ уставовъ, мѣстные присяжные и не присяжные повѣренные, въ числѣ 22 человекъ (между ними былъ и временно гостившій въ Киевѣ Н. О. Плевако), задумали устроить маленькій домашній праздникъ. Собрались они въ одной изъ гостиницъ, заказали самый «милый» ужинъ, но вдругъ появился *deus ex machina*: послѣдовало генералъ-губернаторское слово на ужинѣ. Напрасно юристы прибѣгли къ своему краснорѣчивому оружію, — красное, рѣчь генералъ-губернаторское слово свято и никакіе разумные доводы не могутъ поколебать его. Фактъ этотъ, конечно, произвелъ крайнее непріятное впечатлѣніе и послужилъ поводомъ къ самымъ разпорѣчивымъ толкамъ. Нѣтъ! Какъ хотите, а правительство наше не на шутку виднѣть кривошею въ судебныхъ учрежденіяхъ по уставамъ 1864 г.

Чѣмъ иначе, какъ не только подобнымъ воззрѣніемъ правительства на судъ можно объяснить слѣдующее распоряженіе директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній получить директоры о запрещеніи ученикамъ посѣщать циркъ и окрестныя судебныя учрежденія. Присланныя послѣ двухъ замѣчаній, исключать изъ учебнаго заведенія ученика не исполняющаго этого правила *).

*) Въ распоряженіи этомъ есть зерно реальности, да только наши официальные педагоги — собственно полицейскіе чиновники, а не педагоги — по своему обыкновенію, сдѣлали изъ цирка и окрестныхъ судебныхъ учрежденій гогическую полицейскую. Въ судебныхъ учрежденіяхъ происходятъ сцены и раскрываются явленія, которыя дѣйствительно не педагогично показывать дѣтямъ, — и толковые наставники, равно какъ и

*) Университетское начальство тоже не было увѣрено въ прекращеніи движенія, — это видно между прочимъ и изъ того, что объявленная на 22 ноября докторская защита диссертации по философіи Н. Я. Грота отложена на неопредѣленное время изъ боязни большого наплыва студентовъ и могущихъ возникнуть на диспутѣ излишнихъ овацій или недоразумѣній.

ЗЕМСКІЕ ПРОЕКТЫ.

Бюрократическое правительство въ Россіи такъ поставило земство, — которое, хотя и очень несовершенно, но все таки представляетъ отраженіе желаній населенія, — чтобы уменьшить, на сколько возможно гласность этихъ желаній. Съ этою цѣлью придумана губернаторская цензура на корреспонденціи о земствѣ и на самыя земскія изданія, которыя въ добавокъ выпускаются въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и не пускаются въ продажу; съ этою же цѣлью заведена была и газета «Земство». Между тѣмъ въ земскихъ собраніяхъ высказываются время отъ времени горькія истины о теперешнемъ порядкѣ вещей, а также составляются проекты объ его улучшеніи. На дняхъ мы получили большое количество матеріаловъ о дѣятельности, наблюденіяхъ и проектахъ земства за послѣднее время, въ видѣ замѣтокъ, выдержекъ изъ новѣйшихъ рѣдкихъ изданій земскихъ. — Мы выбираемъ изъ этихъ матеріаловъ тѣ, которые кажутся намъ болѣе интересными, — пуская на первый разъ нѣсколько земскихъ проектовъ о мѣстномъ управленіи, о крестьянскомъ землевладѣніи, кредитѣ и пр. мѣрахъ въ пользу крестьянъ.

I. Проектъ Костромскаго Губернскаго Земства о мѣстномъ управленіи.

I. Преобразование сельскаго крестьянскаго самоуправления должно заключаться въ слѣдующемъ:

а) Общинѣ, т. е. всякому соединенію отдѣльныхъ дворовъ, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ, будутъ ли это дворы крестьянскіе, мѣщанскіе или соединенные, придавать значеніе юридическаго лица, пользующагося всѣми гражданскими правами, но безъ всякихъ административныхъ обязанностей, при чемъ эта община должна во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ быть самостоятельной, вѣдѣя всякаго сторонняго вмѣшательства.

б) Предоставляется нѣсколькимъ крестьянскимъ общинамъ соединиться въ одно сельское общество и избирать лицо, которое является предъ правительствомъ и обществомъ отвѣтственнымъ представителемъ своего сельскаго общества во всѣхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и обязательнымъ членомъ въ участковыхъ собраніяхъ, но не имѣетъ никакого административнаго характера и не является исполнителемъ распорядковъ правительства или земства.

в) Сохранить сословный крестьянскій судъ для тѣхъ дѣлъ, которыя рѣшаются въ крестьянскомъ быту на основаніи остатковъ существовавшей общины, а именно по дѣламъ, возникшимъ изъ поземельныхъ или имущественно-семейныхъ отношеній, при чемъ таковой крестьянскій судъ долженъ быть признанъ окончательнымъ и не подлежащимъ обжа-

родители, должны стараться отклонить дѣтей отъ присутствія при подобныхъ вещахъ. Но это нужно, конечно, дѣлать съ деликатностью и тактомъ, при поддержкѣ общественаго мнѣнія, а не полицейскими мѣрами, въ концѣ которыхъ, по обыкновенію русскихъ педагоговъ, стоитъ непремѣнное исключеніе изъ школы, т. е. порча жизни юноши и иногда даже дѣтяти. Да развѣ наши жандармы, называющіе себя агентами народнаго просвѣщенія, понимаютъ какія либо деликатныя вещи въ дѣлѣ воспитанія! Вѣмъ же объ закладъ, что и вышеупомянутую мѣру приняли со злости, узнавъ, что ученики присутствовали въ числѣ зрителей при недавнихъ судебныхъ процессахъ по поводу дракъ между школьниками и педагогами, — исторій, которыя сами же наши педагогическіе жандармы сначала создали, а потомъ имѣли безтактность довести до суда! (Ред.)

ванію. Всѣ остальные дѣла, возникающія между крестьянами, подлежатъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ.

II. По усмотрѣнію уѣзднаго земскаго собранія, уѣздъ, сообразно мѣстнымъ особенностямъ, можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько полостей, при чемъ каждой полость долженъ быть приданъ строй однородный съ устройствомъ цѣлаго уѣзда и безъ подраздѣленія на сословія.

III. Мѣстная уѣздная администрація въ цѣломъ ея составѣ предполагается выборная. При этомъ — органы хозяйственной администраціи должны быть совершенно самостоятельными въ своихъ дѣйствіяхъ, — правительству же, въ смыслѣ верховнаго надзора, предоставляется, подъ личной отвѣтственностью его агентовъ, приостанавливать посредствомъ протеста подлежащей власти исполненіе всякаго постановленія хозяйственныхъ органовъ, противнаго существующимъ законамъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя протесты съ перваго же раза рассматривались высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ принимали бы участіе, въ качествѣ членовъ, представители отъ земства. Органы административные или полицейскіе, выбранные земствомъ, подчиняются всѣмъ правительственнымъ распоряженіямъ и за свои преступленія и проступки могутъ быть преданы суду подлежащимъ начальствомъ, но подвергаются всякому наказанію, даже дисциплинарному, не иначе, какъ по судебному приговору. Установленіе одной выборной администраціи въ уѣздѣ, подобно сословно-дворянской, введенной Императрицей Екатериной II, есть единственная возможность прекратить существующій антагонизмъ между земствомъ и чиновничествомъ, который въ настоящее время служитъ вездѣ тормозомъ для всякаго дѣла и главной причиной существующей неурядицы въ мѣстномъ управленіи.

IV. На населеніе уѣзда должна быть возложена повинность имѣть въ каждомъ селеніи одного или нѣсколькихъ выборныхъ за плату, представляющихъ собою писанныхъ полицейскихъ чиновъ, но не имѣющихъ никакого отношенія ко внутреннему самоуправленію крестьянской сельской общины.

V. Объединяющимъ лицомъ въ уѣздѣ долженъ быть выборный предводитель, избираемый уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и, кромѣ поземельнаго ценза, установленнаго для гласнаго, имѣющій цензъ образовательный, высшего или, въ крайнемъ случаѣ, среднего учебнаго заведенія, — при этомъ избранное лицо можетъ быть выбрано и не изъ среды избирателей собранія.

VI. Взиманіе всѣхъ вообще сборовъ въ уѣздѣ, какъ государственныхъ, такъ и земскихъ, должно быть возложено на особаго сборщика, опредѣляемаго правительствомъ, въ содержаніи котораго земство участвуетъ пропорціонально размѣру поступающихъ въ земство налоговъ.

VII. Цензомъ для допущенія въ члены участковаго уѣднаго собранія для каждой полосы должна быть принята извѣстная недвижимая цѣнность въ размѣрѣ 7000 р. На этомъ основаніи въ участковомъ собраніи участвуютъ: 1) Непосредственно лица, владѣющія недвижимой собственностью; 2) По купонному избирательству лица, имѣющія порознь недвижимости, не достигающую цензовой пор-

мы, но участвующія въ платежѣ земскихъ повинностей; 2) Представители сельскихъ общинъ и обществъ въ такомъ числѣ головъ, которое получится отъ раздѣленія всей общинной земли на цензовую норму — 4) представители земель казенныхъ и удѣльныхъ. Затѣмъ, если уѣздъ раздѣленъ на полосы, то уѣздное земское собраніе составляется изъ уполномоченныхъ отъ участковыхъ собраній въ пропорціи, опредѣленной цѣнностью облагаемыхъ имуществъ каждой полосы, при чемъ городъ считается за особый участокъ.

VIII. Съѣздъ участковыхъ избирателей избирается по одному гласному на каждыя 60 т. имущественной цѣнности. Уѣздное собраніе составляется изъ гласныхъ участковыхъ собраній по одному на каждыя 120 т. имущественной цѣнности.

IX. Выборщики для избранія представителей въ участковое собраніе назначаются каждой сельской общиной или сельскимъ обществомъ и на окружномъ съѣздѣ избираютъ столько представителей, сколько слѣдуетъ по выше приведенному расчету.

X. Цензъ на городскихъ выборахъ для избранія представителей въ уѣздное собраніе долженъ быть уравниенъ съ цензомъ, принятымъ въ уѣздѣ.

XI. Кругъ вѣдомства существующихъ уѣздныхъ земскихъ собраній долженъ быть пополненъ: правомъ распредѣленія уѣздныхъ расходовъ на уѣздные и участковые, правомъ обязательнаго указанія основаній для раскладки сборовъ, поступающихъ на удовлетвореніе участковыхъ расходовъ и правомъ изданія обязательныхъ постановленій для участковыхъ собраній по отдѣльнымъ предметамъ обще-уѣзднаго хозяйства.

XII. Исполнительныя функціи по предметамъ вѣдомства участковаго собранія сосредоточиваются въ одномъ лицѣ, избираемомъ участковымъ собраніемъ; исполнительныя функціи уѣднаго земскаго собранія сосредоточиваются въ одномъ лицѣ, состоящемъ непремѣннымъ членомъ уѣднаго присутствія.

XIII. Полицейская власть поручается выборному полицейскому органу, съ надлежащимъ числомъ помощниковъ также выборныхъ. Выборныя полицейскія власти подчиняются непосредственно правительственнымъ учрежденіямъ и исполняютъ ихъ приказанія. Но въ то же время онѣ исполняютъ порученія уѣднаго присутствія и непремѣннаго члена и въ этомъ смыслѣ подчиняются выборному предводителю уѣзда, который за неисполненіе и проступки при исполненіи земскихъ порученій можетъ представлять земскому собранію о преданіи ихъ суду. Старшая полицейская власть должна имѣть лишь образовательный цензъ не ниже среднихъ учебныхъ заведеній.

XIV. Всѣ отдѣльныя уѣздныя присутствія, гдѣ доселѣ соединялись члены правительственныхъ и земскихъ учрежденій, объединяются въ особомъ присутствіи, гдѣ, подъ предѣлательствомъ выборнаго представителя уѣзда, состоятъ въ качествѣ членовъ: старшій членъ полиціи, городской голова, непремѣнный членъ и участковые исполнительные органы.

XV. На обязанности присутствія лежитъ разрѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ административнаго и хозяйственнаго свойства.

XVI. Во главѣ губернскаго управленія должно быть поставлено учрежденіе, гдѣ, подъ пред-

сѣдательствомъ губернатора, должны состоять членами начальники отдѣльных отраслей управления и въ равномъ числѣ общественные представители по избранію губернскаго земскаго собранія.

XVII. Губернское Земское собраніе и Губернскую Управу предполагается оставить на прежнемъ основаніи.

Приведенный проэктъ, выработанный специальной комиссіей былъ, принятъ собраніемъ почти безъ преній.

Послѣ принятія проэкта, собраніе постановило:

Имѣя въ виду, съ одной стороны, что объединеніе разнородныхъ проэктонъ, поступившихъ отъ отдѣльныхъ земствъ, представляется слишкомъ затруднительнымъ по мимо содѣйствія лицъ, участвовавшихъ въ ихъ составленіи, а съ другой, что правительство уже признало возможнымъ при предварительномъ обсужденіи законодательныхъ проэктонъ выслушивать мнѣнія свѣдущихъ людей, Костромское Губернское Земство признало необходимымъ ходатайствовать о допущеніи въ правительственную комиссію, которой порученъ вопросъ о преобразованіи мѣстныхъ учреждений, — свѣдущихъ людей по выбору отъ Губернскаго земскаго собранія.

ПИСЬМА ИЗЪ АВСТРІЙСКОЙ УКРАИНЫ.

Отъ редакціи. Земля, населенная украинскимъ племенемъ въ Австро-Венгрии, т. е. восточная или собственно Галиція, сѣверная Буковина и прилегающія къ этимъ землямъ склоны Карпатъ въ Венгрии составляютъ естественное цѣлое съ украинскими землями въ Россіи не въ одномъ только этнографическомъ отношеніи, особенно двѣ первыя области, лежащія на Востокъ отъ Карпатъ. Не только послѣднія области, а и польская или западная Галиція составляетъ въ географическомъ, а слѣдовательно, и въ экономическомъ отношеніи только часть такъ называемой Великой Восточно-Европейской низменности, значительно большую часть которой занимаетъ Россія. Еще въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., пока еще не принесло всѣхъ своихъ гибельныхъ плодовъ раздѣленіе Украины между Московіей, Польшею и Турціей, даже на лѣвомъ берегу Днѣпра и народъ, и интеллигенція живо чувствовали связь свою съ галицкимъ Подгорьемъ и Покутьемъ, о которыхъ забыли тамъ только въ послѣднее столѣтіе, пока не напомнила о немъ уже кабинетная этнографическая наука, основавшая первыми украинифилами. Теперь съ каждымъ годомъ все больше растетъ связь между Украиной Подгіривскою и Прикарпатскою; связь же между Подгорьемъ Польскимъ и т. наз. конгрессовкою или Привислянскимъ краемъ никогда и не разрывалась. Несомнѣнно, что съ развитіемъ общей свободы и областного самоуправленія въ Россіи эти связи могутъ только усиливаться, хотя бы онѣ и не дошли до политическаго единства, впрочемъ, вовсе не невѣроятнаго. Вотъ почему русское изданіе, посвятившее себя служенію вышеупомянутой свободѣ и самоуправленію, должно относиться къ дѣламъ прикарпатской не только Украины, но и Польши, какъ къ своимъ домашнимъ дѣламъ.

Въ послѣднія недѣли печать въ прикарпатскихъ краяхъ, — польская и русино-украинская, — занималась особенно такими дѣлами, какъ возможность войны Россіи и Австріи, а изъ внутренней политики перемѣною личности львовскаго униатскаго митрополита. Мы получили отъ нашихъ галицкихъ корреспондентовъ письма, свидѣтельствующія между прочимъ о томъ, какъ къ этимъ вещамъ относятся народныя массы. Даемъ мѣсто прежде всего этимъ письмамъ, — послѣ которыхъ яснѣе будетъ цѣна (невеликая!) разсужденій и поведенія тѣхъ слоевъ галицкаго общества, которые къ несчастію для страны составляютъ тамъ интеллигенцію полоновильскую, москвофильскую и украинифильскую.

I. Крестьянскія стремленія и мечтанія; расчеты на войну съ Россіей. Одинъ изъ нашихъ галицкихъ корреспондентовъ пишетъ: «Въ дополненіе къ извѣстіямъ, сообщеннымъ въ 48 №-рѣ «Вольнаго Слова», позвольте мнѣ прибавить кой какія наблюденія, сдѣланныя мною въ нашемъ Подгорьи. Живя не одинъ годъ среди крестьянъ и при крестьянской работѣ, я часто имѣю случай слышать задушевные желанія и мысли нашихъ крестьянъ и убѣждаться, какъ ошибаются т. наз. интеллигентные люди, наши и польскіе, даже прогрессисты и радикалы, которые твердятъ, что наша чернь не имѣетъ никакихъ идеаловъ, не проявляетъ никакихъ высшихъ стремленій, а представляетъ инертную, темную массу, которая за рюмку водки и кусокъ колбасы продастъ свои драгоцѣннѣйшія права. Что народъ нашъ безучастно относится къ идеаламъ и стремленіямъ нашей наличной интеллигенціи, — это, конечно, правда, но это и понятно, если вспомнимъ, что заботитъ нашихъ несправимыхъ схоластовъ, вообразившихъ себя интеллигенціей: «чистота греко-униатскаго обряда», «не испорченная этимологическая правопись и общерусскій литературный языкъ» и т. п. заботы нашихъ т. наз. москвофиловъ, или даже громкія, но туманныя и ни къ чему не обязывающія фразы нашихъ лженародовцевъ или украинифиловъ о «моральномъ и матеріальномъ поднятіи народа», — вещи, которыя прикрываютъ гораздо болѣе скромныя, хотя и болѣе практическіе расчеты самихъ авторовъ ихъ, въ родѣ надеждъ попасть въ члены сейма и т. п. Не удивительно, что, когда, напр., во время выборовъ передъ нашею чернею выступаютъ люди съ такими идеалами, то она отдаетъ предпочтеніе тому кандидату (обыкновенно польскій магъ или чиновникъ), который хотя и мало общается, но даетъ взаимныя выборы осязательныя, хотя бы и временныя, выгоды: выпасъ въ своихъ лѣсахъ, или уступку въ арендной платѣ и т. п.

За то далеко не такъ уступчивы наши крестьяне въ дѣлахъ, касающихся ихъ основнхъ экономическихъ интересовъ или даже ихъ вѣковыхъ общественныхъ идеаловъ. Что касается первыхъ, то я укажу только на многочисленные, чрезвычайно упорные и долготѣнны процессы нашихъ громадъ съ панамъ и съ короной за громадскія земли (грунты), лѣса и выпасы, — процессы, которые доводятъ до открытыхъ бунтовъ. Эти процессы и бунты начались задолго до отмины барщины (1848), и можно догадываться, что они тянутся отъ самаго начала австрійскаго владычества; по край-

ней мѣрѣ я имѣю передъ собою документы о процессѣ Нагуевской громады съ короной съ двадцатыхъ годовъ, который кончился бунтомъ и усмирениемъ военною силою (въ 1838—1839 гг.). Жаль, что у насъ никто не занялся собираніемъ свѣдѣній объ этихъ аграрныхъ процессахъ и бунтахъ, о которыхъ, даже въ новѣйшее время, только очень немногія извѣстія проникли въ газеты. Но что въ свое время они очень беспокоили господствующіе слои, видно изъ сеймовыхъ преній 60-хъ годовъ, изъ вѣчныхъ нареканій польскихъ пановъ на «страшную наклонность хлоповъ къ процессамъ съ панамъ» *) и даже изъ польской беллетристики 60-хъ годовъ **).

Еще меньше свѣдѣній имѣется о движеніи нашего народа во имя другихъ, не прямо экономическихъ, а, напр., политическихъ, его стремленій, но, конечно, не потому, чтобы такихъ движеній не было, но потому что наша интеллигенція въ своемъ узкоглядіи и схоластицизмѣ не обращала вниманія на всякія проявленія народныхъ идеаловъ, гораздо болѣе широкихъ и реальныхъ, чѣмъ ся стремленія. И тутъ много матеріалу даютъ сеймовыя пренія 60-хъ годовъ, особенно пренія относительно новаго устава громадской администраціи, во время которыхъ украинскіе мужики депутаты говорили много, при чемъ обнаружилось, что мужики эти и ихъ политическія вожди, «интеллигентные русины», чиновники и поны, — не понимали другъ друга и, хотя голосовали за одно (мужики за интеллигентными, которымъ тогда еще довѣряли), не стремились совсѣмъ не къ одному***). Когда «интеллигентные русины», даже болѣе образованные, какъ вице-предсѣдатель сейма Лавровскій, не шли дальше формальностей и юридическихъ тонкостей и крючочковъ, мужики стояли за такую широкую автономию громады, отъ которой откестились бы руками и ногами наши депутаты интеллигентные, — и русины, и поляки, и поны, и паны, если бы мужики умѣли систематично высказать свои взгляды. Что эти стремленія нашихъ мужицкихъ депутатовъ, а особенно такихъ энергическихъ, какъ Демковъ (убитый по договору пановъ однимъ евреемъ подъ конецъ сеймоваго срока) и Ковбасюкъ (именемъ котораго звали польскіе политики всѣхъ русиновъ), не были личными взглядами, а именно выраженіемъ вѣковыхъ народныхъ стремленій, истинныхъ правды въ громадскомъ самоуправленіи, на это и имѣетъ въ послѣднее время два интересныхъ доказательства. Какъ разъ на то время, когда въ львовскомъ сеймѣ утвер-

*) См., напр., одинъ изъ новѣйшихъ выпусковъ «Wiadomości. statystyczn. o stosunkach krajowych w Galicyi», издан. сеймовымъ комитетомъ (вып. I, за 1882 г. o stosunkach włościańskich), — въ которомъ съ удовольствіемъ говорится, что «наклонность къ процессамъ съ панамъ у мужиковъ уменьшилась».

**) См., напр., повѣсти одного изъ выдающихся пол. беллетристовъ того времени, Яна Захаржевскаго *Święty Jur*, *Jarema* и др. (Пр. автора). Процессъ галицкой громады и бунтъ ся предводителемъ описанъ обширно, хотя и не совсѣмъ удачно, въ нѣмецкомъ романѣ Франца *Der Kampf um's Recht*, переведенномъ въ «Дѣлѣ» (петербургск.) въ 1881 г. подъ именемъ «За правду!» (Ред.).

***). Теперь, когда подобные вопросы стоятъ на очереди въ Россіи, интересно было бы увидѣть обстоятельное изложеніе мнѣній украинскихъ крестьянъ въ Австріи объ этомъ предметѣ. (Ред.)

дался новый уставъ громадскій, приходится т. наз. «правленіе жабьевскаго губернатора». Этотъ «губернаторъ» — былъ простой громадскій писарь въ гуцульскомъ селѣ Жабьѣ, около Косова. Это былъ человѣкъ грамотный и очень любимый громадой и сосѣдними гуцулами. Когда разнеслись вѣсти о новой конституціи и громадскомъ самоуправленіи (далеко нашему громадскому уставу до настоящаго самоуправления!), жабьевскій писарь собралъ свою громаду и объявлялъ ей, что теперь отъ цисаря пришла такая воля, что громада будетъ «сама в собѣ», — т. е. сама будетъ постановлять себѣ право, сама по своему судиться и никому не будетъ подчиняться, кромѣ самого цисаря. Жабьевская громада очень обрадовалась и начала дѣйствительно сама собою управляться и судиться. Къ сожалѣнію, я не знаю подробностей о томъ, какіе порядки завела жабьевская громада, — но знаю, что писарь ея не принималъ никакихъ бумагъ ни отъ старостъ (губернатора, или, пожалуй, исправника), ни отъ уѣзднаго управленія, что всякія провинности судились почти цѣлый годъ самой громадой и что, по одобренію громады, писарь писалъ посланія или «рады» другимъ громадамъ о томъ, какъ и что надо устроить. Цѣлый почти годъ тянулось это самоуправленіе, пока село не заняла войсковая экзекуція, высланная старостомъ для взысканія податей, которыхъ Жабье не платило ни цента, пославши прошеніе цисарю о сложеніи ихъ и ожидая отвѣта на это прошеніе. Писарь или «губернаторъ», какъ его въ насмѣшку называли чиновники, былъ арестованъ и судимъ въ Станиславовѣ. Въ газетахъ, кажется, объ этомъ дѣлѣ не было и вѣсти. Я же самъ слышалъ этотъ рассказъ отъ жабьевскихъ гуцуловъ и одного косовскаго чиновника въ 1880 г. Другой современный примѣръ подобнаго и широкаго пониманія громадскаго самоуправления нашими крестьянами я встрѣтилъ недавно въ громадской книгѣ приговоровъ села Добривлянь, Дрогобычскаго уѣзда. Тутъ, вслѣдъ за учрежденіемъ нашего жалкаго устава, о сельскомъ самоуправленіи, мужики совсѣмъ не такъ его понимали, какъ предержащіи власти и стали рѣшать всѣ дѣла, полицейскія, уголовныя и гражданскія, по своему обычному праву, пока черезъ нѣсколько лѣтъ дрогобычскій староста съ ужасомъ не перечиталъ столь нелегальную книгу и велѣлъ громадѣ нанять себѣ другаго писаря и поступать по законному уставу *).

Въ виду такихъ примѣровъ, я позволяю себѣ думать, что если бѣ въ свое время наша интеллигенція съумѣла понять народныя нужды и стремленія, выразить ихъ и настоять на ихъ сколько нибудь цѣльномъ осуществленіи, то и наша государственная конституція и областная автономія имѣли другой видъ и были бы дѣйствительно интересны народу. Конечно, что тогда и политическое развитіе народа въ свою очередь расширилось бы, приблизившись къ развитію дѣйствительной интеллигенціи, а не нашихъ схоластовъ и польскихъ романтиковъ.

Случилось иначе, но народъ далеко не впалъ въ индифферентизмъ, какъ кажется

*) О добровольномъ громадскомъ судѣ напечатана статейка въ 10—11 №-рахъ «Свѣта»

многимъ, сверху стоящимъ. Именно въ послѣднее время мысль его сильно работаетъ. Съ одной стороны — допекаетъ народъ экономическое раззореніе, особенно сдѣлство чиновниковъ и государства, а съ другой — и самосознаніе народное все таки растетъ: популярныя книжки, какъ онѣ у насъ ни плохи, — читаются съ любопытствомъ и даютъ народу не мало фактовъ и свѣдѣній о текущихъ событіяхъ, каковыми свѣдѣніями народъ пополняетъ свои соображенія касательно своего положенія. Довольно многочисленныя читальни, открытыя по селамъ, не мало оживили и разбудили мысль народа. Всего любопытнѣе то, что, читая газеты и брошюры нашихъ схоластовъ, народъ вовсе не усваиваетъ идей и направленій издателей, часто даже и не замѣчаетъ ихъ, а выбираетъ себѣ только факты, впитывая ихъ затѣмъ — и иногда удивительнѣйшимъ способомъ — въ свои собственные мудрствованія, или опирая ими свои собственные надежды.

Вотъ вамъ нѣсколько примѣровъ:

Спужу я недавно и считаю по энархіальнымъ шематизмамъ (справочнымъ книжкамъ), сколько земель у насъ имѣетъ духовенство. Приходитъ сосѣдъ-крестьянинъ, неграмотный, но въ теченіе двухъ уже лѣтъ почти ежедневно ходящій къ намъ — «послухати, шчо тамъ по газетахъ nowego чувати». — Что это вы дѣлаете? — спрашиваетъ. — А вотъ, говорю, разсчитываю, сколько по селамъ земли у поповъ; — и прочиталъ ему нѣсколько цифръ: тамъ 50, тамъ 60 морговъ, тамъ столько хлѣба, столько капитала и т. д. — Ну, развѣ же это не обида богу, говоритъ крестьянинъ: жалуются (попы) на бѣдность, домогаются большихъ доходовъ, — а оно вотъ какъ! И сколько бы то бѣдныхъ мужиковъ могло жить на этихъ земляхъ! Да будетъ ли это когда, о чемъ было слышно, что хотять у поповъ земли отобрать?

Этотъ слухъ объ отобраніи земель у поповъ долго ходилъ по нашимъ селамъ и возбуждалъ много надежды. Я объяснилъ собесѣднику, что на это теперь нѣтъ надежды, что именно теперь въ вѣнскомъ парламентѣ верхъ взяли попы и паны, которые себѣ, конечно, обиды не сдѣлаютъ; а что, впрочемъ, если бѣ это и случилось, то громадамъ отъ того легче не будетъ, такъ какъ церковныя имѣнія возьметъ себѣ государство, а громады должны будутъ платить понамъ жалованье.

Крестьянинъ покачалъ головою. — «Ну, и бѣда же съ этими «кадигробами!» сказалъ онъ. Вездѣ они верхъ берутъ. Вотъ еслибъ у насъ такое случилось, какъ въ прошломъ году во Франціи: взять бы и выгнать этихъ дармоедовъ! Да гдѣ тамъ? Нашъ Нѣмецъ (цисарь) этого не сдѣлаетъ. Но пусть только Маскаль прійдетъ, онъ съ ними также сдѣлаетъ, какъ тамъ на Украинѣ, что поповъ покасувавъ.» — Напрасно я нѣсколько разъ, рассказавъ сосѣду объ украинской штундѣ, толковалъ ему, что русское правительство враждебно относится къ ней; мой собесѣдникъ упорно вѣруетъ, что «Маскаль» самъ заводитъ штунду на Украинѣ и заведетъ ее со временемъ и у насъ. — Да кто же вамъ и теперь мѣшаетъ самымъ такъ сдѣлать, какъ тамъ люди дѣлаютъ? — спросилъ я. Сосѣдъ почесалъ затылокъ. — «Да оно, видите, и не худо бы, да одному какъ то не идетъ вы-

риваться. Если бѣ вся громада, то оно какъ то и смѣлѣе... а такъ, одному... Кто знаетъ, можетъ быть какаля нибудь поволічка будетъ (тлжба по судамъ)». — Я объяснилъ, что именно при обращеніи цѣлой громады можетъ быть «поволічка», а наши законы ясно разрѣшаютъ каждому порознь переходить въ какое хочетъ вѣроисповѣданіе, или вовсе остаться безъ вѣроисповѣданія. На томъ сосѣдъ мой и ушелъ.

Что съ давнихъ поръ приходъ «Маскаля» въ Галицію въ понятіи нашего народа связывается съ надеждами на важнѣйшія аграрныя и общественныя реформы, — это у насъ болѣе или менѣе извѣстно каждому. «Маскаль» и жидовъ «присмирить», или и совсѣмъ выгнать, и панамъ «руки обкроить», и бѣдныхъ землею надѣлать, и, наконецъ, «поповъ скасуеть». Теперь же, въ виду частыхъ толковъ о войнѣ Австріи и Россіи, которые пронеслись изъ газетъ и между народомъ, надежды эти оживаютъ и увеличиваются. Вотъ вамъ мой разговоръ съ нѣсколькими мужиками объ этомъ предметѣ:

— Что тамъ новаго ишутъ? Будетъ Маскаль съ Нашимъ биться? спрашиваютъ меня. — Я рассказываю, что знаю изъ газетъ о вооруженіи Россіи. — Такъ, такъ; безъ того не обойдется. Если уже онъ такъ наладился, то конечно не даромъ. — Ну, а если Нашъ его переможетъ? закидываю я. — Кто?! Нашъ — Маскаль?! восклицаютъ собесѣдники. Да что вы говорите! Гдѣ жъ Нашему его перемочь? Да если бѣ до этого дошло, то не только всѣ солдаты изъ нашихъ, а и всѣ наши громады перейдутъ къ Маскалю. Развѣ бы дуракъ кто былъ, чтобъ за Нѣмца стоять. Нѣмецъ спидитъ себѣ въ Вѣнѣ да съ панамъ водится, а съ народа деретъ послѣднее. Отдалъ насъ въ руки и жидамъ, и панамъ, и чиновникамъ, а самому и дѣла нѣтъ до народа. Еще вотъ тогда, сейчасъ по уничтоженіи панщины, какъ взяли было немного пановъ въ руки, то немного народу льготнѣе было, даже дышать легче стало. А теперь, — такъ ужъ пришла бѣда коначная. А Маскаль пусть бы только слегка отворилъ да жидовъ и пановъ немного унялъ, — а то уже не даютъ и дохнуть человѣку. — Ну, а если бѣ Маскаль нашу конституцію да автономію скасуавъ? — закидываю я вновь. Мужики въ смѣхъ. — Вотъ вы что выдумали! Вотъ добро великое, — было бѣ по чемъ плакать! Какаля это конституція, какаля это воля? Что каждому вольно насъ обдирать да кривдить?! По такой конституціи мы, конечно, не заплачемъ. А, впрочемъ, не бойтесь: какъ только эти уѣзды, да староства, да прокурорскія камеры поскасують, то и безъ конституціи у насъ больша воляность будетъ».

Наши мужики совсѣмъ правы, говори такъ о теперешней нашей конституціи. Она не дала намъ не только экономическаго облегченія, но даже какого нибудь самоуправления и его плодовъ: ни своего суда, ни своей школы, а только отдала ихъ, волиныхъ de jure и безсильныхъ de facto на безпрестанную эксплуатацію *).

*) Что бѣ ужъ совершенно такъ ничего не дала даже теперешняя австріиско-польская конституція въ Галиціи, сказать нельзя: укажемъ хоть на тѣ же читальни, о которыхъ говоритъ и самъ почтен-

вается по сторонам, ища себѣ помощника-избавителя. Другой вопрос о степени основательности надежд нашего народа на «Маскаля». Несомненно, что если бѣ Россія точно завоевала Галицію, а участь народа не ухудшилась бы, то свѣтъ бы увидѣлъ опять зрѣлище украинской неблагодарности, — «шатостей», на которыя жаловались въ XVII—XVIII вв. московскіе воеводы и чиновники *)

Вотъ Вамъ маленький примѣръ «шатостей» австрійскихъ украинцевъ за послѣднія 30 лѣтъ. Въ 1848—49 гг. нашъ народъ пѣлъ:

Просим Бога за цисаря і Свѣтої Матки:

Дарував нам цар папичину, дарує і податки!

А теперь поютъ:

Ой, цисарю, цисарнику, яке ти ледащо, —

Береш льудей, береш гроші, та і не знати, за що!

М—онь.

Другой корреспондентъ пишетъ намъ съ южнаго конца Галиціи, что и тамъ народъ съ удовольствіемъ ждетъ войны съ Россіей. Прежде всего говорятъ, что послѣ войны «когда бѣ не было лучше, а хуже уже не будемъ», потомъ, — что «людямъ уже стало слишкомъ тѣсно, война разрѣдитъ народъ и остальнымъ станетъ вольше», а о «Маскалѣ» говорятъ, что онъ таки «сдѣлаетъ что нибудь съ жидами». — «Господи, дай эту войну, — говорилъ одинъ крестьянинъ, — хоть на три года; какая теперь ненависть между людьми! — Такъ тебѣ жъ убьютъ! — Пусть будетъ такъ! Я пойду первый! Пусть бы только люди порѣдѣли; потому что только тогда будетъ хорошо на свѣтѣ, какъ человѣкъ человека жаждалъ будетъ!»

Какъ обстоятельства должны были вымучить людей для того, чтобъ потребность братства приняла въ нихъ такую странную форму!

Изъ Буковины пишутъ намъ, что тамъ съ толками о жидахъ и «Маскалѣ» связалась (по истинѣ страннымъ образомъ!) даже исторія отставки львовскаго (уніатскаго) митрополита. Известно, что отставка эта состоялась по волѣ папы и императора, чтобъ очистить путь для болѣе еще энергическаго ультрамонтанства среди мѣстной церковной администраціи, — и что митрополитъ выговорилъ себѣ значительную пенсію. Такъ вотъ буковинцы русины (вовсе не уніаты, а православные, или какъ тамъ говорятъ не русскої вѣры, а волоської) передѣлали львовскаго ун. митрополита въ своего, черновецкаго — и сложили теперь легенду о немъ и императорѣ, записанную нашимъ корреспондентомъ въ Выжницкомъ уѣздѣ отъ женщины:

«Царь пошелъ по кассамъ (реvizовать), а кассы пусты. А жида приняли къ царю и говорятъ, что кассы опустѣли чрезъ владыку, который запрещаетъ пить водку (отставленный митрополитъ дѣйствительно хлопоталъ объ обществахъ трезвости. Царь и позвалъ владыку и потребовалъ, чтобъ тотъ сложилъ корону. А тотъ и говоритъ: «подпишусь мнѣ, что ты дашь мнѣ 3000 золота и двѣ тысячи

нѣкорреспондентъ намъ. Попробовалъ бы онъ завести ихъ во времена Меттерниха, или хотѣ теперь у «Маскаля»! Ред.

*) И теперь жалуются историки школы Соловьева. Ред.

денегъ, чтобъ было мнѣ тѣмъ жить». Царь говоритъ: хорошо! и требуетъ, чтобъ тотъ раскорновался. А тотъ и говоритъ: подпишусь мнѣ, что на половину жидавъ разрѣдись. А царь и говоритъ: не сдѣлаю этого! а дальше подумалъ и говоритъ: подпишусь тебѣ!» Въ числѣ дальнѣйшихъ условій владыка требовалъ, чтобъ царь подписался, что цѣлая Буковина будетъ Московщиной. Царь сначала не соглашался, а потомъ уступаетъ и это. Тогда владыка самъ удаляется въ Московщину и оттуда грозитъ царю, что вся Буковина будетъ подъ Маскалемъ и не желаетъ ни за что возвратиться домой, не смотря на просьбы царя. — Тотъ же корреспондентъ пишетъ намъ, что недавно одного галичанина ремесленника встрѣтилъ возъ съ буковинскими мужиками, которые сейчасъ же спросили его: «не будетъ ли войны? — Будетъ, отвѣтилъ тотъ. — А съ кѣмъ? — Съ Маскалемъ.» — Мужики спятили и перекрестились: — «А, Господоньку небесни, слава жъ тебѣ!» и затѣмъ горячо увѣрили его, что, какъ только Маскаль войдетъ въ Буковину, то они перейдутъ на его сторону и будутъ бить жидавъ. То же самое, прибавляетъ нашъ корреспондентъ, мы слышали много разъ и въ Галиціи отъ ремесленниковъ и селянъ, которые при этомъ называли цисаря «жидовскимъ царемъ». Очевидно ожидала двойнаго кровопролитія, военнаго и гражданскаго, — одинъ буковинскій крестьянинъ, при разговорѣ о войнѣ, замѣтилъ: «хорошо говорилъ мой дѣдъ покойникъ: «не будетъ добра на свѣтѣ, пока этимъ Черемошемъ (рѣка на границѣ Буковины и Галиціи) не потечетъ кровавая рѣка!»

ПРОПАГАНДА И ЗАГОВОРЪ ВЪ АРМИИ ВЪ 1825 Г.

(Записки Неизвѣстнаго. Изъ тайнаго общества Соединенныхъ Славянъ. Русскій архивъ 1882. II *).

Едва ли можно придумать болѣе злую насмѣлку надъ теоріей, утверждающей, что государство есть высшее выраженіе духовныхъ и матеріальныхъ потребностей общества и народа, въ него входящаго, — какъ примѣръ государства русскаго. Съ самаго своего возникновенія и до нашего времени, во всѣ, какъ обыденныя, такъ и торжественныя эпохи своей исторіи, оно было, въ большей или меньшей степени, отрицаніемъ воли и жела-

*) Въ русской мемуарной литературѣ рѣдко появлялись вещи столь интересныя, какъ названный выше «Записки Неизвѣстнаго» (по объясненіямъ Р. Архива, Горбачевскаго), — и тѣмъ не менѣе эти Записки прошли почти незамѣченными литературною критикою «внутренней» русской печати. Причина тому, конечно, — цензура или страхъ ея, такъ какъ Записки эти представляютъ не только глубокий интересъ историческій, но и вполне современный. Читая о толкахъ, планахъ и потомъ дѣйствіяхъ и неудачахъ членовъ политическаго общества 1825 г., постоянно переносишься мыслью къ современной борьбѣ противъ того же врага, съ которымъ имѣли дѣло старые «декабристы». Глубокая поучительность записокъ Горбачевскаго, которыя должны бы быть прочитаны каждымъ образованнымъ человекомъ въ Россіи, и молчаніе о нихъ критики во внутренней русской печати, побуждалъ насъ предложить одному изъ лицъ, принадлежащихъ къ теперешнему русскому революціонному движению, составить о нихъ помѣщаемую далѣе статью, къ которой мы позволяемъ себѣ прибавить нѣкоторыя наши соображенія. (Ред.)

ній большинства населенія, бичемъ его идеаловъ. Московскіе князья, Петръ I, Екатерина II, Александръ I, Николай, Александръ II, какъ бы съ вѣнней стороны ни рознились ихъ государственная дѣятельность, какими бы съ виду противоположными дѣлами они ни задавались, — всѣ они сходятся въ одной общей чертѣ, — въ признаніи себя вѣстиплицемъ высшаго разума и непогрѣшимости, въ грубомъ и насильственномъ навязываніи народу своей воли, своихъ капризовъ и фантазій «подъ страхомъ лишенія живота», въ систематическомъ подавленіи народныхъ, племенныхъ и территориальныхъ вольностей и усиленіи сосредоточенной въ нихъ центральной власти. И въ самомъ дѣлѣ: Петръ I, напр., «насаждалъ» просвѣщеніе, учреждая въ то же время правильную цензуру, а какой-нибудь сумасшедшій Павелъ или маньякъ самовластія Николай — искореняли его. Казалось бы, что можетъ быть между ними общаго? А между тѣмъ первый насаждалъ, а послѣдніе искореняли просвѣщеніе во имя одного и того же олицетворяемаго или фантастическаго и всенароднаго молоха-государства, цѣною безпощаднаго подавленія народно-общественной воли и идеаловъ, при чемъ, какъ для перваго, такъ и для послѣднихъ орудіемъ воздѣйствія на спасаемое ими общество были тѣ же пушки, штыки, висѣлицы и плетни. Просвѣщеніе насаждалось и искоренялось «посредствомъ кровопролитія» и попиранія ногами живыхъ проявленій народной жизни.

Русское государство, которому историкъ и политикъ извѣстной школы приписываютъ даже въ періодъ его московскаго зачатія созидательную заботу объ общемъ благѣ и безопасности, на самомъ дѣлѣ, въ лицѣ своихъ главъ и руководителей, специализировалось въ саморостѣ и самозащитѣ и стало, наконецъ, само себѣ цѣлью, отдѣлившись отъ живыхъ элементовъ общества и вступивши съ ними въ непримиримую вражду.

Наши государственные Плюшкины и Роботчики — «собиратели русской земли» — богатствомъ, подкупомъ и насиліемъ убивали только что начинавшія развиваться и разцѣплять демократическія республики сѣвера, поведя ихъ «подъ свою государеву волю»; государство богомъ дарованныхъ Романовыхъ шагъ за шагомъ обошло, обмануло и задушило вольную поэтическую козачину, демократическую республику юга — Малороссію и до сихъ поръ ведетъ безмысленную войну съ малорусскою народностью, языкомъ, литературой и всѣми проявленіями духовной жизни народа; оно же до сихъ поръ держитъ въ желѣзныхъ тискахъ несчастную Польшу; оно же, въ лицѣ Петра, насаждая государственное просвѣщеніе, истребляло расколъ и народные нравы; въ лицѣ Екатерины — распространило рабство на всю Россію и сдѣлало его фундаментомъ государственной прочности и благоустройства, а въ лицѣ самодержцевъ текущаго столѣтія — препятствовало и искореняло всѣ самостоятельныя проявленія духовной жизни общества, всѣ попытки его выбиться изъ подъ казенной опеки и изъ казенныхъ рамокъ развитія. По скольку просвѣщеніе и наука служили къ укрѣпленію государства, къ расш-

ревю его военных сил и административной зоркости, — по столько русское государство было просвѣтительнымъ и прогрессивнымъ; но какъ только замѣчалось, что эта самая наука и просвѣщеніе имѣютъ дерзость содѣйствовать духовному и гражданскому самосознанію личности и общества, — государство тотчасъ вооружалось противъ нихъ и становилось ихъ непримиримымъ врагомъ. Наука, просвѣщеніе, попытки улучшить экономическій бытъ народа, гражданскіе реформы и т. п. — все это поддерживалось государствомъ только до тѣхъ поръ, пока всѣ эти вещи служили ему одному, какъ чему-то самодовлѣющему и обособленному отъ общества, и преслѣдовались, лишь только общество обнаруживало поползновеніе или воспользоваться и заявить о своемъ самостоятельномъ духовномъ существованіи. Всегда русское государство имѣло одну и ту же цѣль, проявляясь и дѣйствуя то въ мертвящей формѣ византизма, то въ формѣ грубо-разнузданной татарщины, то въ нѣмецкомъ, полицейско-канцелярскомъ формализмѣ, то, наконецъ, въ формѣ смѣшенія всѣхъ этихъ элементовъ.

Естественная вещь, что государство, выросшее и окрѣпшее на счетъ гражданской и духовной свободы общества и цѣною уничтоженія самостоятельности мѣстныхъ, племенныхъ и національных группъ, рассматриваемыхъ имъ просто какъ мертвый матеріалъ для своего физическаго роста, — такое государство всегда имѣло въ народѣ — инстинктивно, а въ лучшихъ его интеллигентныхъ силахъ — сознательно ожесточенныхъ враговъ, желающихъ его гибели или радикальнаго преобразования. Враги эти и будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока интересы государства не сольются съ интересами общества, пока первое не растворится въ послѣднемъ, не сдѣлается, на самомъ дѣлѣ, эманацией его жизни. Вражда эта выражалась и выражается въ упорномъ нежеланіи народной жизни уложиться въ навязанныя ей казенныя рамки, въ расколѣ, въ народныхъ бунтахъ и въ тайныхъ политическихъ обществахъ среди высшихъ образованныхъ классовъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ кончавшихся неудачей и полнымъ торжествомъ русскаго государства.

Нельзя не замѣтить, что русская государственная система, возбуждая всеобщую ненависть, періодическіе протесты и революціонныя попытки со стороны представителей русской интеллигенции, успѣла, однако, отчасти наложить и на нихъ свой характерный отпечатокъ самоудовлетворяемости, непогрѣшимости и провиденціализма, готового дѣлать все для народа, но безъ его участія. Нѣтъ ничего мудренаго, если воспитанные въ вышеисчисленныхъ традиціяхъ самодержавнаго, централизованнаго государства, русскіе революціонные элементы усвоили себѣ въ значительной степени ту же политическую философію централистическаго якобинизма въ своихъ дѣйствіяхъ и привычку видѣть въ себѣ непогрѣшимыхъ носителей и исполнителей народной воли, не считая себя обязанными искать поддержки въ обществѣ, въ историческихъ и бытовыхъ стремленіяхъ группъ и національностей, организовать эти силы и стремленія и вызывать ихъ къ дѣятельности и борьбѣ.

Это крупная, хотя и невольная политическая ошибка. Випить въ пей борцовъ за русскую общественную свободу, обнаружившихъ въ своей борьбѣ столько героизма и самопожертвованія, было бы, конечно, большою несправедливостью. Они всегда имѣли и имѣютъ передъ собою съ одной стороны врага, который систематически, изъ поколѣнія въ поколѣніе подавляя общественную самодѣятельность и устрояя общество отъ рѣшенія своей участи, приучилъ и ихъ къ той же политической практикѣ, вызвалъ въ нихъ естественное стремленіе выбивать клинъ клиномъ, противопоставить бѣлому якобинизму и централизму — якобинизмъ и централизмъ красный; — съ другой стороны, они имѣютъ передъ собою друга или, вѣрнѣе, клиента въ лицѣ русскаго общества, въ теченіе столѣтій морально и политически эксплуатируемаго, систематически стражняемаго отъ устройства своей собственной участи, отвыкшаго отъ гражданской самодѣятельности, самозащиты и самосознанія, — общества трусливаго, безучастно и бездѣтельно смотрящаго какъ на наглое попираніе своихъ правъ и своего достоинства со стороны деспотическаго государства, такъ равно и на геройскія усилія и мученическую гибель за дѣло свободы лучшихъ своихъ дѣтей. Сколько разъ этому обществу давали возможность освободиться изъ подъ угнетающаго ига деспотическаго государства, наступить на него и потребовать назадъ все, что оно у него отняло, и сколько разъ это общество колебалось трусило и упускало удобный моментъ. Не мудрено, что русская революціонная интеллигенція, имѣя за собою это трусливое, забытое и инертное общество, теряла терпѣніе, брала на свой страхъ и отвѣтственность дѣло освобожденія общества и маленькой группой выступала всегда на потѣ брани, не создавъ себѣ предварительной почвы и поддержки въ общественной средѣ, не связавъ своего дѣла съ жизненными интересами различныхъ общественныхъ, территоріальныхъ и національных группъ, входящихъ въ составъ русскаго государства.

Но эти вполне естественныя объясненія обособленности отъ общества русскихъ революціонныхъ элементовъ и ихъ якобинскихъ тенденцій несколько не уменьшаютъ фатальной пагубности этой ихъ характеристической черты. Естественнымъ результатомъ ея всегда должно быть и есть на самомъ дѣлѣ безеніе и неуспѣхъ, кончающіеся гибелью борцовъ за свободу общества и оставленіемъ общества въ томъ же, если не въ худшемъ положеніи. Что дала, напр., русскому обществу безпримѣрная въ своемъ родѣ, геройская борьба русскихъ террористовъ съ правительствомъ, кромѣ гибели нѣсколькихъ десятковъ героевъ, гибели, имѣющей, быть можетъ, большое моральное вліяніе на общество, но не давшей ему и не обѣщающей, повидимому, никакихъ осознательныхъ политическихъ результатовъ? Въ глубинѣ души всѣмъ долженъ сознаться, что смерть Александра II и затворничество Александра III, само по себѣ, не окунаетъ гибели Желябова, Перовской, Кибальнича и др. Политически русское общество осталось въ томъ же позорно-угнетенномъ положеніи, и гражданской храбро-

сти ему смерть Александра II ни на грошъ не прибавила.

Такъ будетъ, вѣроятно, и впредь, до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ не народится гражданское самосознаніе или пока русскіе революціонеры не поставятъ своей первой задачей вызвать къ дѣятельности и организовать всѣ живыя силы націи на почвѣ ихъ духовныхъ, историческихъ, территоріальныхъ и племенныхъ интересовъ и стремленій, не свяжутъ этихъ интересовъ и людей, ихъ представляющихъ, съ своимъ революціоннымъ дѣломъ и не выставятъ программы, отвѣчающей политическимъ и общественнымъ идеаламъ разнообразныхъ группъ, составляющихъ Россію. Тогда только всякая революціонная борьба, а при надобности, и вынѣшняя террористическая борьба, найдетъ поддержку въ обществѣ и несомнѣнно будетъ имѣть успѣхъ.

Этотъ грѣхъ или фатальная ошибка русской революціонной партіи — есть грѣхъ, такъ сказать, историческій, обнаруженный, какъ всѣмъ извѣстно, русской революціонной партіей во всѣ крупныя моменты ея дѣятельности, въ большей или меньшей степени, и въ эпоху каракозовцевъ, и въ эпоху декабристовъ. Останавливаться на этой темѣ было бы слишкомъ долго и выходило бы изъ предѣловъ настоящей замѣтки, тѣмъ болѣе, что намъ предстоитъ еще здѣсь, хоть вкратцѣ, познакомить читателя съ «Записками Невзвѣстнаго», чтеніе которыхъ навело насъ на вышеизложенныя мысли.

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 г., № II, помѣщены въ высшей степени интересныя «Записки Невзвѣстнаго», писанныя, по всей вѣроятности, членомъ общества «Соединенныхъ Славянъ», подпоручикомъ И. И. Горбачевскимъ, и дающія новый матеріалъ для исторіи тайнаго общества декабристовъ. Въ 1824 году, въ то время, когда складывалось и готовило свою атаку на императорскую власть тайное общество декабристовъ, на Югѣ Россіи существовало уже другое тайное общество подъ названіемъ Славянскаго Союза или Соединенныхъ Славянъ. Общество это имѣло цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовласти, уничтоженіе существующей между ними розни и несправедливости и соединеніе всѣхъ ихъ посредствомъ федеральнаго союза, опредѣленія границы каждаго государства, введенія у всѣхъ народовъ демократическое представительство, созванія общеславянскій конгрессъ для выработки общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя при этомъ каждому славянскому государству свободу внутренняго устройства и независимость въ составленіи мѣстныхъ узаконеній. Общество «Соединенныхъ Славянъ» ставило своей ближайшей обязанностью «истреблять предразсудки и порокичныя наклонности своихъ членовъ и окружающаго общества, изглаживать различіе сословій и искоренять нетерпимость вѣроисповѣданій; собственнымъ примѣромъ побуждать къ воздержанію и трудолюбію, стремиться къ умственному и нравственному усовершенствованію и поощрять къ этому другихъ». «Общество Славянъ» полагало, что «никакой переворотъ не можетъ быть успешенъ безъ согласія и содѣйствія цѣлой націи», потому оно считало своей обязанностью

прежде всего приготовить народъ къ новой формѣ гражданскаго существованія, къ которой оно стремилось. «Народъ, говорили они, не иначе можетъ быть свободнымъ, какъ сдѣлавшись нравственнымъ, просвѣщеннымъ и промышленнымъ». «Военныя революціи быстрой достигаютъ цѣли, но слѣдствія ихъ опасны: онѣ бывають не колыбелью, а гробомъ свободы, во имя которой совершаются». Будучи убѣжденъ, что ихъ идеалы не могутъ быть осуществлены въ близкомъ будущемъ, «Союзъ», не желая терять силъ на безплодныя попытки, ставилъ своей обязанностью дѣлать все, что хоть медленно вело къ намѣченной цѣли. Онъ опредѣлялъ часть общественной суммы на выкупъ крѣпостныхъ людей и на устройство сельскихъ школъ; старался внушать солдатамъ и крестьянамъ сознание человѣческихъ и гражданскихъ правъ и обязанностей и, такимъ образомъ, приучать ихъ тяготиться униженнымъ состояніемъ безправія и рабства.

Управление «Общества», по уставу, поручалось президенту и секретарю, выбраннымъ на одинъ годъ и подлежащимъ отвѣтственности передъ «Обществомъ». Первый назначалъ время и мѣсто очередныхъ и чрезвычайныхъ собраний, давалъ направленіе дѣламъ общества и старался приводить въ исполненіе принятыя на собраніяхъ мѣры и постановленія, служащія къ распространенію «Общества»; секретарь завѣдывалъ сношеніями между членами, велъ протоколы и переписку и расходовалъ суммы, которыя, между прочимъ, имѣли право пускать въ торговые обороты для увеличенія ихъ.

Членами «Общества» состояли почти исключительно офицеры войскъ, стоящихъ въ Малороссіи. Общество, говоритъ авторъ «Записокъ», требовало отъ своихъ членовъ, ни мало не взирая на свѣтскія ихъ отношенія, старанія къ собственному усовершенствованію и твердаго обдуманнаго стремленія къ коренному общественному преобразованію. Члены общества, въ большинствѣ своемъ, были молодые, пылкіе и доверчивые энтузіасты, проникнутые вліяніемъ своего плана, для приведенія котораго въ исполненіе они считали необходимымъ содѣйствіе всѣхъ классовъ и сословій и въ особенности массы народа, и сообразно съ этимъ направляли свою дѣятельность и пропаганду.

Но обстоятельства и случайныя столкновенія дали скоро нѣсколько иное направленіе дѣятельности «Общества». До членовъ его доходили неясныя слухи объ участіи офицеровъ сосѣднихъ полковъ, а въ особенности Черниговскаго полка, въ какомъ-то противуправительственномъ тайномъ обществѣ, въ которомъ главную роль играетъ подполковникъ Черниговскаго полка Сергій Муравьевъ-Апостолъ и которое уже составило для Россіи конституцію и въ будущемъ году намѣрено уже приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Едва ли нужно говорить, что это былъ южный отдѣлъ общества декабристовъ. Два, столкнувшись такимъ образомъ, общества заинтересовались другъ другомъ, познакомились и между представителями ихъ начались переговоры о сліяніи. Само собою разумѣется, что каждое изъ нихъ старалось завлечь къ себѣ другое, сохранивъ преобла-

даніе своихъ цѣлей и своей программы. На первомъ же свиданіи представителей двухъ обществъ, съ одной стороны Борисова и Горбачевского, съ другой — Сергѣя Муравьева и Бестужева-Рюмина, свиданіи, бывшемъ въ квартирѣ Муравьева, начались переговоры о сліяніи. Муравьевъ первый заговорилъ о силѣ своего общества, о невозможности для «Союза Славянъ» осуществить своихъ стремленій безъ содѣйствія Русскаго Общества и о необходимости, поэтому, соединиться съ послѣднимъ. Борисовъ, временный президентъ «Союза Славянъ», отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь на то, что уставъ его общества запрещаетъ ему входить въ положительныя сношенія съ кѣмъ бы то ни было, безъ согласія всѣхъ членовъ. Порѣшили созвать общее собраніе «Союза Славянъ», на которомъ Муравьевъ и Бестужевъ возобновятъ свои предложенія.

Узнавъ о предложеніи соединиться, члены Общества Славянъ раздѣлились во мнѣніяхъ. Одни требовали немедленнаго сліянія, другіе рѣшительно отвергали его, третьи, наконецъ, и въ томъ числѣ предсѣдатель общества, Борисовъ, предлагали продолжать переговоры, стараясь склонить Южное Общество къ признанію цѣлей и программы «Союза». 4 Сентября 1825 г. члены съѣхались на собраніе. Муравьевъ не пріѣхалъ, а явился одинъ Бестужевъ-Рюминъ и прямо приступилъ къ дѣлу. Онъ заговорилъ о силѣ и широкомъ развитіи своего общества, объ управленіи имъ Верховною Думою, о готовности Москвы и Петербурга начать переворотъ, объ участіи въ тайномъ обществѣ нѣсколькихъ гвардейскихъ корпусовъ и многихъ полковъ. Онъ обѣщалъ доставить членамъ «Союза» проектъ республиканской конституціи, составленной для Россіи и одобренной знаменитыми англійскими, нѣмецкими и французскими публицистами, и объявить, когда состоится соединеніе двухъ обществъ, подробности устава и управленія Южнаго Общества: что же касаясь мѣстопребыванія Верховной Думы и ея членовъ, то правила общества, объявилъ онъ, запрещаютъ ему открыть его.

Ц.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ?

(Emile de Laveleye: Le régime parlementaire et la démocratie. Revue des Deux-Mondes. 15 декабря 1882.

Louis Pauliat: Tradition des cahiers électoraux. La Nouvelle Revue, 15 декабря 1882.)

Кому не извѣстно, что во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, за малыми исключеніями, парламентскій режимъ далеко не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя нѣкогда возлагались на него либералами à la Thiers — доктринерами и централистами, и что онъ всюду переживаетъ болѣе или менѣе рѣзко выраженный кризисъ? Намѣшки надъ бесцѣлностью палаты и ихъ министровъ, надъ гнуснымъ биржевымъ трипотажемъ и мелкими интригами изъ-за личныхъ цѣлей, которыми занимается большинство депутатовъ, вмѣсто того, чтобы заботиться объ интересахъ страны и исполнять волю своихъ избирателей, сдѣлались теперь общимъ мѣстомъ

всѣхъ оппозиціонныхъ органовъ, какъ реакціонно-монархическихъ, такъ и радикально-революціонныхъ. Министрства создаются и разрушаются точно карточные домики. Едва успѣетъ составиться «кабинетъ», какъ неожиданная парламентская комбинація образуетъ оппозиціонное большинство и прогоняетъ министровъ, не давши имъ даже возможности показать свои таланты, если таковыя у нихъ имѣются. При теперешнихъ парламентскихъ порядкахъ, министры, «какъ тощій плодъ, до времени созрѣлый, ни вкуса нашего не радуютъ, ни глазъ», и самое слово «кабинетъ» звучитъ горькой проніей, напоминая не тихую рабочую комнату, гдѣ труженникъ мыслитъ терпѣливо и усидчиво работать на пользу общества, а какой-то cabinet particulier моднаго ресторана, куда люди заходятъ лишь на короткое время, чтобы покурить, хорошенечко напиться и наѣсться.

Послѣ 20 августа 1881 г. во Франціи сѣнилось четыре министерства — въ продолженіе одного года. Значитъ, на каждое министерство приходится среднимъ числомъ по три мѣсяца существованія! Извольте-ка при такихъ условіяхъ дѣлать реформы, провѣщать инициативу и двигать прогрессъ!

«Правительство кабинетовъ, это глупость и лъзв, отъ которыхъ Европа не замедлитъ освободиться», сказалъ Бисмаркъ еще въ 1869 году.

«Однажды, выходя изъ засѣданія палаты депутатовъ, въ которомъ хаосъ и сумятица достигли своего апогея, одинъ изъ наиболее видныхъ политическихъ дѣятелей Италіи обратилъ ко мнѣ — пинетъ Laveleye — со слѣдующими словами: «Не странно-ли, что въ нашъ вѣкъ, сдѣлавшій молнію своей покорной слугой, которую мы заставляемъ уносить переносить нашу мысль на край свѣта. — подобный политическій режимъ есть еще лучшее (?) изъ того, что мы можемъ имѣть?»

Долой парламентаризмъ! кричать въ одинъ голосъ реакціонеры и революціонеры, долой эту жалкую фикцію! Она только развращаетъ страну, парализуетъ ея силы и служитъ въ рукахъ ловкихъ политическихъ шулеровъ удобнымъ средствомъ нажить и сдѣлать карьеру.

Но дальне стройный хоръ враговъ парламентаризма разстраивается, и въ немъ начинаютъ слышаться диссонансы.

Возвратите намъ «доброе старое время», дайте намъ неограниченнаго монарха «Божію милостью» и все тогда пойдетъ хорошо — увѣряютъ реакціонеры. Право, ничего нѣтъ лучше просвѣщенной деспотіи. Только при ней возможна та устойчивость министерствъ, которая одна способна образовывать и выдвигать великихъ государственныхъ дѣятелей. Вспомните, что Рингель, Кольберъ, Струазе... были министрами неограниченныхъ монарховъ.

Диктатуру, революціонную диктатуру! восклицаютъ въ отвѣтъ либералы и социалисты-государственники. Вотъ погодите, дайте намъ только захватить власть — и мы васъ освободимъ, освободимъ противъ вашей воли, и сильно облагодѣтельствуемъ, если будетъ нужно. Поломайтесь сначала, а потомъ спасибо скажете.

Вздоръ, все это вздоръ — и парламентъ.

и просвѣщенный деспотизм, и революціонная диктатура, которая есть та же деспотія, да и государство ване вздор! — категорически заявляютъ анархисты. «Всякая власть развращаетъ», «государство всеисильно для зла и безсильно для добра», парламенты-говорильни, а люди, придерживающіеся парламентскихъ пріемовъ и желающіе постронить что нибудь на почвѣ существующихъ учреждений — просто «усыпители» народнаго духа, гасильники революціонной страсти. Нѣтъ, все нужно разрушить, камня на камнѣ не слѣдуетъ оставить: только изъ революціоннаго хаоса можетъ возродиться новое, лучшее общество.

Говоря это, анархисты выбираютъ делегатовъ на конгрессы и на конгрессахъ дебатируютъ, вотируютъ, рѣшаютъ по большинству голосовъ, т. е. парламентируютъ. Насколько такой парламентаризмъ, не смотря на разные *mandats impératifs* и на отсутствіе министровъ, замѣняемыхъ «коммиссіями», не далеко ушелъ отъ государственнo-парламентскихъ порядковъ, которые отрицаются анархистами, объ этомъ можно судить уже по его результатамъ: безконечное раздѣленіе мнѣній и расколы на конгрессахъ приводятъ къ хаосу и безсилію, точно въ любой камерѣ депутатовъ. Понятное дѣло, что это не можетъ нравиться энтузиастамъ и талантивымъ вожакамъ партій, инициатива которыхъ парализуется косностью недисциплинированной, непокорной массы. Какъ хочется имъ крикнуть: «не разсуждать, а слушаться!» И вотъ они, гремящіе противъ диктатуры, устраиваютъ худшую изъ диктатуръ, — диктатуру тайнаго общества. Мы говоримъ не о теперешней анархической партіи; мы говоримъ о ея прошломъ, сдѣлавшемся уже достояніемъ исторіи, о томъ времени, когда Бакунинъ основалъ свой знаменитый Alliance, — тайное общество, бывшее въ Интернаціоналѣ тѣмъ то въ родѣ государства въ государствѣ и организованное по принципу самой сильной централизаціи, по схемѣ концентрическихъ кружковъ, изъ которыхъ каждый предыдущій, — считая отъ центра, — былъ по отношенію къ слѣдующему тѣмъ правительствомъ и той именно властью, развращающее влияние, безсиліе для добра и всеисиліе для зла которыхъ такъ убѣдительно доказывалъ самъ Бакунинъ. Теперь Alliance'а не существуетъ, но нѣтъ также и Бакунина, нѣтъ такой даровитой и могущественной личности среди революціонеровъ. Но появивъсь сегодня подобная личность, и были бы даны всѣ условія для новой диктатуры въ анархической партіи.

Бакунинъ, стремившійся управлять Интернаціоналомъ при помощи тайнаго общества, Марксъ, послѣ гагскаго конгресса отправляющій генеральный совѣтъ въ Америку, чтобы усилить личное свое влияние на Интернаціоналъ въ Европѣ, и князь Бисмаркъ, добивавшійся въ послѣднюю сессію Рейхстага вотировки бюджета на два года, чтобы хоть на одинъ лишній годъ избѣжать докучной оппозиціи депутатовъ, — развѣ все это явленія не однородныя, не одни и тѣ же пріемы борьбы противъ одного и того же препятствія на пути талантливой, энергической и самоуверенной личности, — противъ парламентаризма?

Въ той или другой формѣ парламентаризмъ мы встрѣчаемъ всюду, во всякой сколько нибудь самоуправляющейся ассоціаціи —

въ клубахъ, въ университетскихъ совѣтахъ, въ акціонерныхъ обществахъ, даже въ увеселительныхъ фреймахъ. Мы его видимъ даже у полу-дикихъ племенъ, у которыхъ его зачатки и развитіе такъ отлично прослѣдилъ Спенсеръ въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ. Онъ проходитъ черезъ всю исторію человечества, и въ блѣдномъ образѣ земскаго собора попадаются намъ даже въ безотрадномъ мракобѣсѣ московскаго царства.

Парламентаризмъ явленіе мировое, неизбежное послѣдствіе природы человѣка. Никакими отлученіями изъ жизни его не вычеркнешь. Гоните его въ дверь, онъ влѣзетъ къ вамъ окномъ. Пусть социалисты-революціонеры всѣми силами откренчиваются отъ него; мы видѣли, что они сами волей неволей принуждены прибѣгать къ нему, не смотря на всѣ его темныя стороны. Иначе остается выборъ только между монастыремъ и казармой, что, въ сущности, значить одно и то же: не разсуждать!

Бываютъ, конечно, обстоятельства, когда не время разсуждать, а нужно дѣйствовать и повиноваться установленной дисциплинѣ; но это возможно лишь на короткое время, не то человѣку грозитъ атрофія мозга отъ продолжительнаго неупотребленія этого благороднаго органа. Партія достаточно сильная, чтобы рѣшиться на баррикадный бой въ надеждѣ на побѣду, или поставленная въ необходимость прибѣгнуть къ героическому *coup de main*, можетъ организоваться на военныхъ началахъ для ближайшей своей цѣли, но разъ такая организація становится постоянной, разъ ее принимаетъ партія еще нарождающаяся, успѣхъ которой возможенъ лишь въ сравнительно далекомъ будущемъ, то въ результатѣ можетъ получиться только вырожденіе партіи.

Буржуазное общество разлагается; завтра, не то послѣ завтра оно навѣрно рухнетъ подъ дружнымъ напоромъ нашей рабочей арміи. Идите же къ намъ, организуйтесь, централизуйтесь — на лѣво кругомъ, маршъ! Такъ приблизительно говорятъ социалисты-революціонеры сторонники диктатуры. Проходятъ года, а обѣщаннаго «завтрашняго дня» все нѣтъ. Не заходя далеко въ глубь времени, возьмемъ хоть эпоху основанія Интернаціонала, съ которой прошло, скажемъ, лѣтъ 15. Еслибъ все это время социалисты оставались организованными на началахъ централизаціи и диктатуры, то легко себѣ представить, какіе бы отъ того получились грустные результаты въ видѣ пониженія умственнаго и нравственнаго уровня партіи.

Предположимъ, однако, что «завтрашній день» насталъ и что на общество, которое въ мистикѣ социалистовъ-утопистовъ называется «будущимъ», наконецъ народилось. Парламентаризмъ неизбеженъ и въ этомъ обществѣ. Болѣе справедливые и совершенные порядки облегчать, безъ сомнѣнія, сговоръ и самоуправленіе, но люди не превратятся же въ ... ангеловъ? Всѣ будутъ богаты, образованы, нравственно развиты — допустимъ и это. Но развѣ теперь только богатые подаютъ бѣдныхъ, умные — глупыхъ и образованные — невѣждъ? Развѣ вражды, соперничества, личныхъ дрязгъ нѣтъ въ кружкахъ однородныхъ по своему составу, между товарищами по дѣлу? И развѣ въ средѣ поборо-

виковъ лучшаго будущаго, у нравственно-развитыхъ и образованныхъ социалистовъ, стремящихся осуществить царство справедливости на землѣ, мы не видимъ тѣхъ же человѣческихъ слабостей, той же розни и взаимной вражды, которыя присущи всѣмъ политическимъ партіямъ? Вспомнимъ хоть исторію послѣдняго конгресса французской «рабочей партіи» въ С. Этьеннѣ...

Весьма вѣроятно, поэтому, что и въ «будущемъ обществѣ» придется много спорить, убѣждать, вотировать, заботиться о составленіи большинства на собраніяхъ для проведенія извѣстныхъ мѣръ и придумывать разныя гарантіи противъ грядущихъ Бакунинныхъ, Марксовъ и Бисмарковъ, которыхъ оппозиція непокорной и черезъ-чуръ много разсуждающей массы и тогда будетъ толкать на путь явной или тайной диктатуры.

Представимъ себѣ, наконецъ, идеально прекрасныхъ людей въ идеально организованномъ обществѣ. Въ первичной ячейкѣ такого общества, въ какой нибудь коммуны или артели, состоящей изъ небольшого числа членовъ, можно будетъ, конечно, обойтись безъ делегатовъ и депутатовъ, такъ какъ всѣ члены ея будутъ имѣть возможность принять прямое участіе въ завѣдываніи дѣлами своей общины, хотя и тутъ неизбежное раздѣленіе мнѣній потребуетъ парламентскихъ пріемовъ — преній и рѣшенія вопросовъ по большинству голосовъ. Но этого мало. Общество не мыслимо въ видѣ безпорядочной агломерации разрозненныхъ коммунъ и артелей. Необходимо, чтобы первичныя ячейки соединялись въ болѣе крупные общественные организмы, чтобы изъ артелей возникали федераціи ремеселъ, а коммуны федерировались бы въ областныя и національныя группы. И тутъ то не миповать другой формы непаивистаго парламентаризма — необходимости избранія делегатовъ и веденія дѣлъ при помощи ихъ. Сто, тысяча человѣкъ могутъ прямо сговориться другъ съ другомъ, но какъ сговориться между собой сотнямъ тысячъ и милліонамъ человѣческихъ существъ, если не при помощи выборныхъ представителей?

Современныя палаты депутатовъ несостоятельны и возбуждаютъ къ себѣ весьма понятное отвращеніе революціонеровъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы парламентаризмъ можно было отрицать цѣликомъ въ самомъ принципѣ, какъ то дѣлаютъ многіе слишкомъ горячіе люди, считающіе его возможнымъ лишь въ той формѣ, въ которой онъ существуетъ теперь, какъ будто ничего другаго лучшаго и придумать нельзя. Людямъ этимъ не приходится въ голову, что такой парламентаризмъ только жалкая каррикатура и что внѣ ея мыслимъ другой — настоящій.

Мыслимъ теоретически — да, но возможенъ ли онъ на практикѣ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ до нѣкоторой степени служатъ статьи Laveleye и Pauliat, заглавіе которыхъ было уже выписано нами выше. Laveleye типическій консерваторъ. Имя же Pauliat хотя еще не пользуется популярностью *), но статья его помѣщена въ журналѣ *Mine Adam*, не имѣющемъ, какъ

*) Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ написалъ брошюру о *mandat impératif*, обратившую на себя вниманіе.

известно, ничего общего с социализмом. Оба автора — всякий с своей точки зрения — критикуют современный парламентский режим, признают его негодность и предлагают свои проекты реформ, при чем, как мы увидим ниже, Pauliat является вполне последовательным федералистом и в своей радикальности доходит чуть ли не до анархизма.

Посмотрим же, в чем заключаются недостатки теневерных парламентов и чего собственно хотят Laveleye и Pauliat.

Во первых, очевидно, что принцип представительного правления может быть логично проведен только при существовании habeas corpus, при отсутствии избирательного ценза, при полной свободе слова, печати, собраний, ассоциаций и пр. В Европу есть страны, где все эти условия осуществлены в большей или меньшей степени, и все же парламентская машина действует там плохо. Возьмем, например, Францию. Есть у нее политическая свобода, есть и suffrage universel и есть нигде не годный парламент. Из этого нужно заключить, что одна так называемая политическая свобода еще не дает стране хорошего представительного правления.

Laveleye указывает на многочисленность и неопределенность партий, как на частую причину несостоятельности парламентского режима. Парламентское правление необходимо должно быть правлением партий. Чем резче разграничены и чем сильнее организованы партии в стране, тем успешней ход администрации, хотя, с другой стороны, преобладание духа партийности представляет большие неудобства и серьезные опасности. Чтобы убедиться, что представительное правление есть всегда правительство партий, стоит только сравнить его функционирование в таких странах, как Италия и Греция (к ним подходит и Франция), с одной — Англией, с другой стороны. В Италии нет организованных политических партий в парламент, а есть только неустойчивые группы, находящиеся в процессе непрерывного преобразования. Почти все депутаты — правой, левой и центра — хотят свободы, удержания существующей конституции и царствования савойской династии (клерикалы не имеют представителей в палате). Так как нет мандат impératif или «платформы», обязывающей депутатов к строго определенному образу действий, то всякий депутат по вопросам о налогах, о народном образовании, о реформах и пр. придерживается своих личных взглядов, которые он и старается провести. Отсюда неожиданные группировки при голосовании. Министры никогда не могут быть уверены в поддержке большинства: сегодня они получили vote de confiance, а завтра какая нибудь интерпелляция или голосование о порядке заседания перемешают шашки и вызовут министерский кризис. Чтобы удержаться на месте, министрам приходится постоянно интриговать, конспирировать, идти на уступки с бесчисленными и случайными парламентскими фракциями.

В Греции мы видим то же самое. В начале парламентской сессии все депутаты держат сторону министров, но скоро толь-

ко из них остаются верными кабинету, возжелания которых получили удовлетворение. Все же остальные, неудовлетворенные и недовольные, коализируются, составляют большинство и низвергают министерство.

Ничто подобное происходит и во Франции.

В Англии парламентский механизм функционировал хорошо, пока в ней были только две резко обособленные партии, тории и виги. Вожди этих двух больших борющихся армий были уже известны заранее по старым своим подвигам, и голосование палаты, низвергая министра, тем самым определяло его преемника из противоположного лагеря. Управлять Англией делалось трудней с тех пор, как в ней образовались еще две новые партии — радикалы и ирландские патриоты. Теперь ни тории, ни виги не могут сохранить за собой власть, если против них будет коалиция остальных трех партий. — Чтобы составить большинство, чтобы избежать так называемой obstruction, приходится прибегать к уступкам, как это, например, делал Гладстон, давая места видным деятелям из радикалов — Брайту, Чамберлену, Дилку, Мунделлу — или вступая в сделку с Парселлем, вождем Земельной Лиги. Тем не менее представительное правление действует в Англии еще сносно главным образом потому, что политические партии там строго обособлены и носят совершенно определенный характер, а депутаты обязаны оставаться верными раз принятой «платформе», т. е. объявленной ими profession de foi.

Как же теперь устранить зло, проистекающее из многочисленности или шаткости политических партий? Само собою понятно, что партии не могут быть создаваемы или разрушаемы искусственно ради интересов того или другого министерства. С другой стороны, если без солидарности большинства без уступок не частным пунктам — в виду торжества более общего принципа, на котором люди уже согласились, — невозможно проведение никакой меры, то нельзя не сознаться, что такая партийная дисциплина — своего рода тирания, подавляющая личные мнения и губящая индивидуальные инициативы. Таким образом приходится искать других средств против недостатков парламентского правления.

Эти средства, по мнению Laveleye, могут быть двоякого рода: децентрализация и независимость министров от палаты.

В. Гольштейн.

(Окончание следует).

ПИСЬМА О ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫХ ПАРТИЯХ ВО ФРАНЦИИ.

IV.

Союзы рабочих и социалистические франции.

Изложив в предыдущих письмах борьбу радикалов с оппортунистами, мы показали, что умренность и консерватизм последних заключаются в том, что они хотят сохранить во Франции централизм, позволяющий удерживать при республиканском образе правления, как государственные учреждения, так и законы, созданные во времена монархий.

Что же касается до радикалов (которых наша либеральная пресса считает за людей красных и опасных), то радикализм их заключается в желании дать республике соответствующие ей учреждения и законы, которые бы позволили самому обществу пользоваться политической свободой и самоуправлением, и, таким образом, положить конец режиму, основанному на принципе административного произвола.

Нам остается рассмотреть партии, представляющие рабочее движение, к чему мы и приступим в настоящем письме.

После версальского погрома в 1871 году, залившего улицы Парижа кровью, после истребления нескольких десятков тысяч рабочих без различия пола и возраста, после того, наконец, как парижский рабочий был очевидцем небывалых зверств версальской реакции, казалось бы, что уставший, измученный рабочий, под впечатлением этих мрачных картин междоусобной бойни, и лишенный, к тому же, своих вожаков, надолго опустит голову и терпеливо будет сносить те лишения и нужды, которые подставляла ему окружающая жизнь.

Но лишения и нужды у человека культурного, у человека с развитыми потребностями — сами возбуждают мысль, и сама машина, погруженная в него в инертное состояние скоро замывается у него твердою решимостью протестовать и бороться для улучшения своего положения.

В то время, когда на стенах парижских зданий не была еще обмыта кровь разстреленных жертв, когда еще военный суд раздавал с немощной щедростью карательные приговоры, когда полицейские ищели розыскивали не только людей, принимавших участие в Коммуне, но вообще лиц, расположенных более или менее к какому бы то ни было протесту, в это самое время, в ноябре 1871 года, рабочие митинговали на заводах, находившихся в Париже, заявили коллективно своим работодателям требование о повышении рабочей платы на 50 сантимов в день. Фабриканты, чтобы не допустить до стачки, согласились на требование рабочих. В ноябре того же года рабочие брильянтовых мастерских, помещавшихся в Palais-Royal, прекратили работы и требовали девяти-часового рабочего дня. Для заявления своих требований они выбрали делегатов, которые и вступили в переговоры с синдикальной камерой работодателей. Не многие из фабрикантов уступили требованию рабочих, поэтому последние решили войти в сношения со всеми рабочими брильянтовых изданий Парижа и произвести всеобщую стачку.

Между тем реакция, заседавшая в версальной палате, тревожно посматривала на требования рабочих, смелость которых показалась ей опасной. 14 Марта 1872 года постановил закон, не позволяющий гражданам республики, под страхом тяжкого наказания, соединяться в общества с какими бы то ни было целями без разрешения администрации. Однако, не смотря на этот закон, в июле 1872 года парижские кузнецы, извозчики карет, принадлежавшие акционерной компании, объявили стачку и при этом организовались в синдикаты. В

томъ же году рабочіе брильянтовыхъ издѣлій всего Парижа учредили синдикальную камеру. Опять таки въ томъ же 1872 году основалось общество подъ названіемъ «Union lithographique». Въ іюлѣ 1872 года были основаны синдикаты рабочихъ фарфоровыхъ и гончарныхъ заводовъ. Въ октябрѣ 1872 года въ Парижѣ насчитывалось уже 30 рабочихъ синдикатовъ. Ко всему нужно прибавить еще то, что въ маѣ 1873 года была основана федерация двѣнадцати рабочихъ синдикатовъ подъ названіемъ «Cercle de l'union syndicale ouvrière». Цѣль федерации была та, чтобы посредствомъ соединенія, ученія и справедливыхъ отношеній между собою достигнуть улучшенія положенія рабочихъ всѣхъ ремеселъ. Съ этой цѣлью было рѣшено основать школу съ теоретическимъ и практическимъ преподаваніемъ. Двери предполагаемой школы должны были быть открыты для всѣхъ рабочихъ безъ различія ремеселъ.

При видѣ такого рабочаго движенія, возникшаго, можно сказать, на другой день послѣ подавленія Коммуны и въ самое реакціонное время, невольно становился въ тупикъ.

Что же сдѣлалось съ реакціоннымъ правительствомъ и куда дѣвался законъ 14 марта 1872 года?

Гдѣ причины такого скорого и на первый взглядъ, якобы, внезапнаго пробужденія рабочаго класса? Наконецъ, гдѣ инициаторы, руководители этого движенія?

Вотъ тѣ вопросы, которые невольно громоздятся въ головѣ съ боку стоящаго чело-вѣка.

Чтобы отвѣтить на нихъ, мы просимъ читателя заглянуть въ нѣкоторые термѣны.

Мы взглянемъ въ недалекое прошлое и постараемся въ краткихъ чертахъ набросать исторію синдикальнаго рабочаго движенія во Франціи. Мы считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ это сдѣлать, что въ настоящее время вся Франція покрыта рабочими синдикатами, которые играютъ извѣстную роль, какъ въ современной внутренней политикѣ, а равно и въ рабочемъ революціонно-соціалистическомъ движеніи.

Дѣло въ томъ, что, помимо всякой агитации во имя абстрактныхъ идей, рабочіе Франціи побуждаются къ соединенію и къ болѣе или менѣе солидарному дѣйствію самой ежедневной жизнью и работой, которая порождаетъ ихъ союзы, называемые теперь чаще всего синдикальными камерами, количество и составъ которыхъ возрастаютъ сами собою, не смотря ни на какія противудѣйствія и независимо ни отъ какой теоретической пропаганды и революціонной агитации. Это синдикальное движеніе составляетъ теперь едва ли не самую интересную часть рабочаго движенія во Франціи, и знакомство съ нимъ не только необходимо само по себѣ для всякаго, желающаго отдать себѣ отчетъ въ явленіяхъ текущей общественной жизни, но и даетъ возможность уяснить себѣ, какой именно фракціи современной рабочей партіи во Франціи принадлежитъ будущее.

Союзы рабочихъ, называемые синдикатами, имѣютъ уже свою исторію, которая восходитъ ко временамъ великой революціи и даже связывать эти синдикаты съ обществами до-

революціоннаго времени. Во всякомъ случаѣ, то фактическое и юридическое положеніе, въ какомъ находятся теперь рабочіе синдикаты, создано великой революціей, а потому и мы должны отправиться въ наше изложеніе отъ этой эпохи.

Великая революція застала довольно развитую организцію обществъ между людьми одного ремесла. Эта организція, — старые цехи, — отличалась однако крупными недостатками: неравенствомъ (между мастерами, и простыми рабочими), стѣсненіями разныхъ видовъ труда. Революціонные дѣятели, провозгласивъ свободу труда, разбили эти отсталыя іерархическія организціи, — но въ то же время, будучи страстными регламентаторами и возлагая надежды на мѣропріятія власти, какъ на исключительнаго устроителя чело-вѣческаго благополучія, дѣятели великой революціи издали рядъ запретительныхъ мѣръ, которыя, по видимому, должны бы были оградить провозглашенную свободу труда, предупредить возрожденіе іерархическихъ цеховъ, а на самомъ дѣлѣ стѣсняли организцію такихъ рабочихъ обществъ, которыя именно могли сдѣлать эту свободу непризрачною. Въ то же время, какъ всегда бываетъ съ запретительными мѣрами, установленными съ самыми благовидными цѣлями, стѣснительные законы, которые должны были превратить каждаго участника въ экономическую жизнь, — и капиталиста, и работника, — въ изолированные и, полагалось, свободные атомы, изъ которыхъ бы слагалось общественное тѣло, — не только не остановили организцію сильнѣйшихъ, капиталистовъ, но послужили именно имъ прекраснымъ орудіемъ для подчиненія себѣ слабѣйшихъ, рабочихъ, которымъ законъ не позволялъ организоваться въ союзы для коллективной самозащиты отъ экономической эксплуатаціи.

Такимъ образомъ политика эпохи великой революціи, съ одной стороны, дала толчекъ стремленію рабочихъ массъ организоваться на началахъ равенства, а съ другой, поставила рабочія организціи въ то внѣ-законное положеніе, изъ какого онѣ рвутся выбиться цѣлое XIX столѣтіе и въ какомъ онѣ въ сущности находятся и до сихъ поръ. Вотъ этотъ то бытовой ростъ рабочихъ организцій на-зло ихъ юридическому положенію и представляетъ особенный интересъ и поучительность для наблюдателя.

Уже вскорѣ послѣ 1789 г. число ремесленныхъ союзовъ оказалось такъ велико, что въ однихъ только промышленныхъ центрахъ число членовъ ремесленныхъ обществъ достигло 31000 душъ. Стачки слюченныхъ рабочихъ приводили работодателей въ тревожное состояніе, и Національное собраніе издало 17 іюня 1791 года законъ, котораго параграфъ первый гласилъ: «гражданамъ одного и того же ремесла и занятія основывать общества подъ какимъ бы то ни было предлогомъ запрещается». Законъ этотъ видимо направлялся противъ рабочихъ ремесленныхъ обществъ, но Національное собраніе думало остаться вполнѣ демократическимъ, если сдѣлаетъ къ закону прибавленіе, по которому работодатели и торговцы, имѣющіе открытыя лавки, «въ своихъ собраніяхъ не имѣютъ права выбирать ни президента, ни секретарей, ни синдиковъ; помимо того вос-

прещается вести регистры, произносить постановленія и рѣшенія, а также устанавливать правила, регламенты касательно мнѣмыхъ общихъ интересовъ». Этотъ параграфъ былъ, по видимому, направленъ противъ старинныхъ цеховыхъ обществъ и промышленныхъ корпорацій, которыя уже, нужно замѣтить, были уничтожены закономъ 17 марта 1791 года. Слѣдовательно, національное собраніе не имѣло необходимости повторять законъ 17 марта. Если бы со стороны работодателей и торговаго люда были попытки нарушить постановленія Національнаго собранія, то, кажется, правительство было вооружено, на основаніи закона 17 марта, правомъ разрушить эти попытки и зачинщиковъ оныхъ подвергнуть судебному преслѣдованію. Наконецъ, Chapelier въ своемъ докладѣ Національному собранію говорить прямо, безъ обиняковъ, что цѣль распространяемыхъ рабочихъ обществъ «заставить подрядчиковъ, работодателей, бывшихъ хозяевъ увеличить цѣну рабочаго дня», а поэтому онъ приглашаетъ Національное собраніе принять мѣры для прекращенія подобнаго явленія, нарушающаго, якобы, равновѣсіе принципа «свободнаго труда».

Конечно, рабочіе стали организоваться въ тайныя общества сопротивленія и подпольныя синдикальныя камеры, которыя въ началѣ текущаго столѣтія прогрессировали въ своемъ распространеніи. Помимо новыхъ тайныхъ, и въ XIX столѣтіе перешли изъ старой эпохи союзы, извѣстные подъ названіемъ «compagnonnage», первоначальная цѣль которыхъ состояла въ оказаніи помощи своимъ товарищамъ по ремеслу. Хотя законъ 1791 года не поощрялъ ихъ, но тѣмъ не менѣе они продолжали существовать и настойчиво добиваться у предрѣшавшихъ властей извѣстной терпимости къ ихъ существованію, — въ чемъ они и успѣли. Эти товарищескіе союзы соединялись по ремесламъ. Каждый союзъ обхватывалъ 20 и болѣе городовъ во Франціи. Въ каждомъ изъ такихъ городовъ находился постоянный дворъ, въ которомъ мѣстное управленіе «compagnonnage» извѣстнаго ремесла имѣло свои засѣданія. Странствующій «compagnon», приходи въ городъ, отправлялся непосредственно на постоянный дворъ своего ремесла, гдѣ и получалъ даровой ночлегъ и пищу, до тѣхъ поръ, пока его товарищи не найдутъ ему работу. Въ случаѣ болѣзни странствующаго compagnon'a, мѣстное товарищество брало на себя всѣ заботы о немъ. На случай же смерти его собиравались всѣ члены «compagnonnage» и похоронамъ придавался торжественно-мистическій характеръ. Если для странствующаго не находилось въ городѣ подходящей работы, то общество снабжало его деньгами и отправляло въ путь. Въ тѣхъ случаяхъ, когда «compagnonnage» какого нибудь ремесла или рабочее общество, посягая другое названіе, объявляли стачку своимъ работодателямъ, то всѣ остальные «товарищества» оказывали имъ помощь и денежную поддержку.

Какъ были многочисленны и сильны ремесленные общества взаимнаго вспоможенія въ началѣ текущаго столѣтія, это мы можемъ судить по грандіознымъ стачкамъ того времени. Въ Ліонѣ, напр., въ 1828 году было основано общество взаимнаго вспомо-

моществованія, число членовъ котораго доходило до 10,000 душъ. Хорошо организованное, оно въ 31 году рѣшило заявить фабрикантамъ шелко-прядильнаго производства требование о повышеніи задѣльной платы, но фабриканты отказали его требованіямъ—и тогда то на улицахъ Ліона раздался крикъ, служащій девизомъ рабочаго движенія: «Vivre en travaillant ou mourir en combattant». Какъ извѣстно городъ потомъ находился 10 дней въ рукахъ рабочихъ. Въ 1834 году то же самое общество подняло въ Ліонѣ опять подобное рабочее движеніе, окончившееся апрѣльскими баррикадами. Въ поименованныхъ стачкахъ принимали участіе 50,000 рабочихъ шелко-прядильныхъ фабрикъ. Въ Парижѣ, въ маѣ 1845 года, «*comragonpage*» плотниковъ послалъ делегатовъ въ синдикатъ своихъ работодателей съ требованіемъ, чтобы рабочій день оплачивался вмѣсто четырехъ — пятью франками, и требуемый тарифъ установить на 10 лѣтъ. Работодатели не согласились уступить рабочимъ. Последніе немедленно прекратили работы. Стачка длилась три мѣсяца и въ ней принимали участіе 7,000 рабочихъ. Въ концѣ концовъ, большинство работодателей подписали свое согласіе на требуемый десятилѣтній тарифъ. Управленіе общества плотниковъ выдало уступившимъ работодателямъ карты съ слѣдующей подписью: «Разрѣшеніе работатъ всякому рабочему плотнику у патроновъ, принявшихъ тарифъ 1845 года». По вышеприведеннымъ стачкамъ можно также судить о силѣ вліянія обществъ на рабочую массу вообще. Точно такія же стачки были и въ другихъ рабочихъ центрахъ Франціи. Можно сказать не преувеличивая, что въ первой половинѣ текущаго столѣтія Франціи была усеяна рабочими обществами взаимнаго вспомошествованія.

Въ 30-хъ годахъ, мы замѣчаемъ въ рабочихъ обществахъ прогрессивное движеніе, состоящее въ стремленіи образовывать союзы обществъ различныхъ ремеслъ. До сихъ поръ мы видѣли организацію рабочихъ по ремесламъ, мы видѣли, какъ тѣсна была связь между «товарищами» одного и того же ремесла. Правда, мы знаемъ также отношенія обществъ одного ремесла—къ другому во времена стачекъ и классовой борьбы, но мы не могли подмѣтить той солидарности, которая была установлена между рабочими обществами постоянными взаимными сношеніями. Напротивъ, нерѣдко рабочія общества соревновались между собою и непріязнь обществъ иногда доходила до кровавыхъ столкновеній. Напримѣръ, въ 1816 году близъ Lunel между каменищиками, принадлежавшими двумъ различнымъ обществамъ, произошло столкновеніе, при которомъ оказалось нѣсколько душъ убитыхъ. Въ 1825 году въ Нантѣ кузнецы напали на вязальщиковъ. Въ 1827 году въ Blois ветовщики осадили вязальщиковъ въ мѣстѣ, служившемъ сборнымъ пунктомъ послѣднихъ. Вообще подобные случаи были не рѣдки. Въ 30-хъ же годахъ рабочіе стремились къ уничтоженію такого непониманія общности интересовъ. Но, при самомъ искреннемъ желаніи рабочихъ прекратить эти ненормальныя отношенія между своими собратьями по положенію, не все удалось себѣ практическія мѣры, могущія положить конецъ непріязненнымъ отно-

шеніямъ, существовавшимъ между рабочими корпораціями. Такъ, напр., общество ліонскихъ слесарей, основанное въ 1832 году, ограничилось по этому вопросу воззваніемъ къ товарищамъ по ремеслу, помѣщенномъ въ его статутахъ. Напоминая членамъ своего общества, что на обязанности каждаго членовъка помогать себѣ подобному, слесари вызываютъ къ чувствамъ справедливости и гуманности. Если какое нибудь общество, гласить воззваніе, въ своихъ собраніяхъ будетъ высказывать непріязнь и нетерпимость къ своимъ собратьямъ по положенію, то даже и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ отвѣчать непріязнью, такъ какъ обязанность гражданина—быть полезнымъ насколько возможно для своихъ соотечественниковъ и сожалѣть о тѣхъ, которые, вѣдѣствуе ложныхъ доктринъ, смѣшанныхъ предразсудковъ или фатализма, обнаруживаютъ недостатокъ образованія и воспитанія. Само собою разумѣется, что мы ничего не имѣемъ противъ высоко-гуманныхъ истинъ, высказанныхъ рабочими еще въ 1832 году. Напротивъ, мы думаемъ, что 1882 годъ представляетъ достаточно случаевъ между людскими отношеніями, когда можно было бы напомнить эти гуманныя истины. Но, къ несчастію, у членовъка услышанныя истины скоро забрасываются мусоромъ обыденной жизни. Дѣйствительность требуетъ другихъ средствъ для смягченія, такъ сказать, людскихъ сердецъ....

Рабочіе Тулона и Парижа поступили практичнѣе ліонскихъ слесарей въ дѣлѣ прекращенія взаимныхъ непріязненныхъ отношеній. Въ 1832 году, съ позволенія мэра и префекта, въ Тулонѣ былъ основанъ союзъ четырехъ ремесленныхъ обществъ: жестянниковъ, котельщиковъ, кожевниковъ и литейщиковъ. Союзъ носилъ названіе: *Société d'union et d'encouragement*. Въ 1844 году рабочія общества Парижа избрали комиссію для выработки статута общества, состоящаго изъ различныхъ ремесленныхъ корпорацій. 15 августа 1846 г. статуты, заключающіе въ себѣ 252 параграфа были приняты рабочими обществами и одобрены префектомъ полиціи. Конституціи союза было дано названіе: «*Règlement destiné à la société de bienfaisance et de secours mutuel de l'Union*». Организация союза была слѣдующая: въ Ліонѣ находилось центральное бюро; въ Парижѣ, Марселѣ, Нантѣ и Бордо учреждены были главныя бюро (*bureaux généraux*); во всѣхъ же остальныхъ городахъ были устроены частныя бюро (*bureaux particuliers*). Рабочіе какого нибудь ремесла, числомъ не менѣе 10 душъ, могли въ каждомъ городѣ образовать мѣстное бюро для своего ремесла, предложивъ при этомъ ближайшему главному бюро спросить у центрального бюро согласіе на это. Въ городѣ можетъ быть учреждено только одно бюро по каждому ремеслу. Обязанности центрального бюро заключались въ исполненіи постановленій всего союза, но подъ присмотромъ всѣхъ главныхъ бюро. Центральная касса должна была служить для удовлетворенія нуждъ всего союза, но въ извѣстныхъ случаяхъ центральный фондъ могъ быть употребленъ на потребности одного какого нибудь бюро. Въ члены общества принимались все рабочіе безъ различія національностей; при приѣмѣ членовъ требовался извѣстный

возрастъ; нужно было имѣть не менѣе 16 лѣтъ и не болѣе 35 и при томъ медицинское свидѣтельство о хорошемъ здоровіи. Эти условія приѣма въ члены союза зависѣли отъ постановленія общества выдавать всѣмъ членамъ, достигшимъ 65 лѣтняго возраста и пробывшимъ 30 лѣтъ активными его членами пенсію въ размѣрѣ 240 франковъ въ годъ.

Какъ велика была завоеванная терпимость предрѣжащихъ властей, не смотря на существованіе законовъ, запрещающихъ основаніе обществъ, можно ужъ судить по одному изъ параграфовъ устава союза, гласящаго, что, если членъ общества приходитъ въ столкновеніе съ судомъ или полиціей, то на веру управленія стоявшій синдикъ долженъ былъ немедленно разслѣдовать дѣло подсудимаго. Если синдикъ признавалъ невинность его, то, во 1-хъ, во все время тюремнаго заключенія, арестованному выдавалось 60 сантим. въ день, во 2, синдикъ обязанъ былъ употребить все средства для оправданія или освобожденія члена союза. Въ случаѣ же виновности послѣдняго, синдикъ представлялъ свое заключеніе по этому поводу на первомъ всеобщемъ собраніи членовъ, которое могло провозгласить свой приговоръ, — но не иначе какъ большинствомъ трехъ четвертей всѣхъ голосовъ собранія.

Подобные союзы ремесленныхъ обществъ, вытекающей изъ сознанный солидарности, положили конецъ распрямъ, возникшимъ во времена рабочихъ *comragonpage*ей. Это былъ большой шагъ впередъ. *Union fait la force*—было понято. Но эволюція рабочихъ обществъ не остановилась на этомъ.

Рабочая масса, двигаясь шагъ за шагомъ, развивая свою критичку на явленіяхъ окружающей жизни, продолжала идти впередъ, не сходя, однако, съ экспериментальнаго пути. Почувствовавъ за собою, благодаря организаціи, извѣстную численность и силу, она приняла къ тому заключенію, что призывъ взаимнаго вспомошествованія, развившій необходимую солидарность, тѣмъ не менѣе не служилъ радикальнымъ средствомъ для измѣненія положенія рабочаго, а поэтому, не можетъ болѣе служить исключительно единственной цѣлью рабочихъ обществъ.

Представляя собою производительную силу, рабочіе думали, что отыскиваемое средство заключается въ производственныхъ ассоціаціяхъ, которыя то и должны были возникнуть, по ихъ мнѣнію, непосредственно къ спасенію рабочаго класса. Нужныя для устройства ассоціацій матеріальныя средства они думали собрать путемъ сбереженій. И какъ подспорье для этого, рабочіе избрали потребительныя общества, цѣль которыхъ была пріобрѣтать товары по удешевленной цѣнѣ. Съ 1840 по 1850 годъ рабочихъ организмовъ «*l'Atelier*» былъ защитникомъ и выразителемъ кооперативныхъ идей. Періодъ февральской республики были лучшимъ временемъ для распространенія производственныхъ и потребительныхъ рабочихъ ассоціацій. Въ этомъ Парижѣ ихъ насчитывалось больше 250.

Вотъ на какомъ пути Наполеонъ III сталъ рабочее движеніе во Франціи.

Н. Мебуна.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ М. Драгомановъ.

Genève. Imprimerie de la Parole libre, chemin Dardet, 15